

В ПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

Тревожный и захватывающий готический роман.
Amazon.com

ЗАВОДНАЯ ДЕВУШКА

АННА МАЦЦОЛА

The Big Book

Анна Маццола

Заводная девушка

«Азбука-Аттикус»

2022

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Маццола А.

Заводная девушка / А. Маццола — «Азбука-Аттикус»,
2022 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-21938-0

Париж. Зима 1750 года. В надежде на лучшую жизнь бывшая проститутка Мадлен устраивается горничной в дом знаменитого часовщика Рейнхарта. По заданию полиции девушка должна выяснить, чем в действительности занимается часовщик, ведь по городу ходят упорные слухи, будто Рейнхарт создает свои диковинные механизмы – украшенных драгоценностями птиц, серебряных пауков, кроликов, летучих мышей – с помощью магии, бросая вызов законам природы. Но в доме часовщика Мадлен чувствует себя крайне неуютно: ей кажется, будто она постоянно под прицелом чужих глаз. События принимают еще более зловещий оборот, когда с улиц начинают исчезать дети. Мадлен, исполненная решимости выяснить правду, с ужасом понимает, что, возможно, имеет дело с заговором, который ведет в самое сердце Версаля. Но что лежит в основе этого заговора? Кто такая заводная девушка? И что на самом деле ищет Мадлен? «Заводная девушка» – это потрясающая история об одержимости, иллюзиях и цене свободы. Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21938-0

© Маццола А., 2022
© Азбука-Аттикус, 2022

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	32
Глава 5	41
Глава 6	45
Глава 7	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Анна Маццола

Заводная девушка

Anna Mazzola

THE CLOCKWORK GIRL

Copyright © 2022 by The Short Storyteller Ltd.

All rights reserved

© И. Б. Иванов, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Анна Маццола – автор исторических детективов и готических романов. На ее творчество оказали влияние Сара Уотерс, Дафна Дюморье и Ширли Джексон.

Дебютный роман «Незрячий», основанный из жизни реальной женщины по имени Сара Гейл, которая была осуждена за пособничество убийству в Лондоне в 1837 году, получил премию Эдгара Алана По в США и был номинирован на премию Ассоциации исторических писателей «Корона дебюта» в Великобритании.

Второй роман Маццолы «Хранители историй», повествующий о том, как помощница фольклориста ищет мрачные сказки и украденных девушек на острове Скай в 1857 году, был номинирован на Книжную премию Хайленда.

Действие ее третьего романа «Заводная девушка» происходит в Париже в 1750 году, когда с улиц города таинственным образом стали исчезать дети. В настоящее время Анна пишет четвертый роман о привидениях, действие которого происходит в фашистской Италии.

Анна также является адвокатом по правам человека и уголовному правосудию, работает с жертвами преступлений. Она живет в Камберуэлле в Южном Лондоне со своей семьей, змеей, ящерицей и кошкой.

* * *

Мастерски сделанный, яркий исторический роман с причудливыми поворотами.

Иэн Рэнкин, лауреат многочисленных литературных наград и премий, кавалер ордена Британской империи

* * *

Моей сестре Лауре

Часть первая Париж

Глава 1 Париж, 1750 год

Мадлен

Сегодня маман проводила переоценку своих девушек. В такие дни лучше улизнуть из дому, что Мадлен и сделала. И потому сейчас она шла мимо скотобойни, где на снегу темнела замерзшая кровь, а на крюках висели туши, задрав бледные зады к утреннему небу. Перчаток у нее не было. Прозрачный морозный воздух до боли обжигал ей руки. Кожа на костяшках пальцев потрескалась и саднила. День был явно не для прогулок, но уж лучше брести по холоду, чем остаться дома и слышать то, что творится в его стенах. И потом, ей сегодня все равно требовалось выйти на улицу, дабы выполнить одно неотложное дело.

Мадлен свернула с улицы Паве в лабиринт квартала Монторгейль, где улочки непомерно узки, а дома слишком высоки, отчего солнце туда не проникает, зато зловоние удерживается, поэтому на улицах всегда темно и воняет, как от какого-нибудь убогого *connard*¹. Старинные дома клонились друг к другу, словно плотно посаженные зубы. Просветов между их обветшалыми кирпичными стенами не было. Их окна изнутри были законопачены тряпьем. Время от времени из сумрака появлялось чье-то лицо, кажется детское, с написанным на нем желанием поесть. Голод царил здесь не одно поколение. Но уж лучше жить здесь, на самом человеческом дне, среди *le bas people*, как их называли, среди обитателей трущоб и босых бездомных, ночующих в подъездах, чем у маман в ее «Академии», где сейчас вовсю проходила ежемесячная выбраковка.

Мать всегда считала это вопиющим стыдом. Занятием, не приносящим ей никакого удовольствия. Но дело, которым она зарабатывала, требовало внимательного отношения к изменчивой человеческой плоти. Грудь имела обыкновение наливаться и усыхать, в теле поселялись болезни, кожа вытягивалась и становилась дряблой, а язвы и сыпь появлялись без предупреждения. Хуже того, невзирая на кучу предохранительных мер, кто-то неожиданно беременел и с трудом избавлялся от плода. Время от времени всегда что-то происходило, как однажды произошло с Мадлен, и тогда всего за день ценность девушки для утех падала вдвое. Всегда находилась хотя бы одна обрюхаченная или потерявшая товарный вид шлюха, которую маман, выражаясь ее словами, «отправляла на пастбище». Да только на задворках Парижа никаких пастбищ не было. Здесь текла черная река отбросов и нечистот, неся с собой битые бутылки и рыбы головы. Сейчас, в январе, улицы покрывал снег вперемешку со льдом, в подъездах бездомные жались друг к другу, и кое-где взгляд натывался на окоченевший труп.

Достигнув улицы Пуант-Сен-Эташ, Мадлен выбралась на тусклое зимнее солнце. В воздухе пахло дымом и золой. Она покинула места, где обитали беднейшие из бедных, и попала туда, где жили те, кто едва сводил концы с концами. Мадлен обогнула шумный рынок Ле-Аль и пошла на юг, к мосту Пон-Нёф. Народу на улице прибавилось. Среди городских оборванцев мелькали портшезы с аристократками, закутанными в меха и поблескивающими драгоценно-

¹ Здесь и далее, где нет сноски, см. словарь исторических терминов и жаргонных выражений. – *Примеч. перев.*

стями. Когда Мадлен переходила улицу Сент-Оноре, мимо пронеслась золоченая карета. В окошке мелькнуло лицо полулежащей женщины, наряженной в атлас. Может, аристократка, а может, и *femme entretenue*, едущая в карете своего содержателя. Девушкам, желавшим разбогатеть, Париж предлагал единственный способ – стать содержанками.

Наконец Мадлен вышла к реке, увидев тянущиеся в небо шпили собора Нотр-Дам и единственный железный шпиль собора Сен-Шапель. Если смотреть лишь на очертания зданий, Париж выглядел богатым и прекрасным городом – городом учености и благочестия. Конечно, где-то так оно и было, но только не в местах, знакомых Мадлен. Их Париж стыдливо скрывал. Она шла по берегу грязно-серой Сены, пока не добралась до заведения *apothicaire*², в витрине которого, словно драгоценные камни, поблескивали бутылки. Немного помешкав, Мадлен собралась с духом и толкнула дубовую дверь.

Внутри было тепло, пахло пряностями, однако встретили ее холодно. Возле прилавка оживленно разговаривали две женщины. Едва взглянув на Мадлен, они тут же забыли о ней, как забывают о рваной тряпке. Аптекарь взвешивал на больших медных весах какой-то голубой порошок и вообще ее не заметил. Пока она ждала, пальцы ног сводило от боли, что всегда бывает, когда озябшие ноги попадают в тепло. Мадлен разглядывала полки, густо уставленные стеклянными банками и фарфоровыми чашками. Названия некоторых снадобий были ей знакомы: гвоздика, огуречник, окопник, дудник. Иные говорили мало: корень ялапы, хина, аралия. На глаза попалась коробка с надписью «Кампешский янтарь». А это что такое?

– Представляете? Она так и не вернулась. В голове не укладывается! – говорила одна из женщин, обращаясь к другой.

«Язвительная особа, – подумала Мадлен. – Такие в каждом видят только худшее».

– Так что же с ней случилось?

– Этого никто не знает. Но на следующий же день странствующая ярмарка свернулась и уехала. Наводит на мысль, не правда ли? Я бы свою дочь в таком возрасте ни за что бы не отпустила одну.

Аптекарь поднял голову. Его глаза, словно две черные мухи, ненадолго задержались на Мадлен. Он быстро отвел взгляд, завернул покупки, принял от женщин деньги и натянуто улыбнулся тонкими губами. Едва Мадлен подошла к прилавку, улыбка исчезла.

– Улучшения есть?

– Совсем незначительные.

– Ты сделала так, как я советовал?

– Да... Есть еще что-то, чем можно помочь?

– Возможно, только это будет стоить, – окинув ее взглядом, ответил аптекарь.

«Как будто раньше это ничего не стоило», – подумала Мадлен. А если упросить аптекаря, рассказать, в каком они нынче положении? Нет, бесполезно. В Париже тебе никто ничего не даст даром. Особенно такой, как она.

– Дороже, чем в прошлый раз? – спросила она.

– Я бы сказал, что да. Снадобье дорогое. Привезли из Америки.

– Экзотика, – вскинула брови Мадлен. – Понимаю.

Она молча следила за движениями аптекаря. Тот насыпал семян в ступку и растолок в порошок. Воздух стал насыщенным; пахло мускатным орехом, смешанным с чем-то жгучим и горьким. Аптекарь пересыпал порошок в зеленую склянку и поставил на прилавок перед Мадлен:

– С тебя два луидора.

Мадлен смотрела на его белые руки, испещренные венами:

– Согласна.

² Аптекарь (*фр.*).

Она оглянулась на дверь. За это время в аптеку никто не вошел. Аптекарь подошел к двери и перевернул вывеску. Заведение на время закрылось.

Домой Мадлен возвращалась медленно, плотно укутавшись в плащ. Ей попадались женщины, чьи руки утопали в толстых меховых рукавицах. Они выгуливали собачек на поводках. Куда-то спешили слуги с красными от мороза лицами. Мадлен шла по улице Моннуайе, заглядывая в витрины шляпных магазинов. Выставленные там шляпы с перьями напоминали стаю диковинных птиц. Может, так нашли свой конец и отцовские попугаи, отдав свои перья для шляп *gens de qualité*? Ее отец был *oiseleur*³ и держал магазин на набережной Мажисери, торгуя птицами и мелкими зверюшками. После его смерти маман продала магазин и всю живность другому торговцу. Какаду, зяблики, белые мыши и белки были рассажены по клеткам и исчезли в мгновение ока. Арендная плата за магазин и жилье не вносилась очень давно, поэтому мать с дочерьми быстро покинули дом, в котором выросла Мадлен, и перебрались на улицу Тевено. Там тоже пошла торговля, но уже другими птичками.

Мадлен шла мимо ювелирных магазинов, чьи витрины сверкали сапфирами и рубинами. Впрочем, это могли быть и подделки из клея, куда добавлена краска. Живя в Париже, нужно научиться отличать настоящее от поддельного. Самоцветы, волосы, груди, характеры – все это можно легко подделать. «Мадам, оспа лишила вас бровей? Купите пару отличных накладных бровей из тончайшего мышиного меха. Месье, вы в потасовке потеряли зубы? Вот вам целая челюсть, взятая у мертвеца». Из ноздрей Мадлен в морозный воздух вылетали облачка белого пара. Ее руки почти совсем онемели. Но она не торопилась, ибо сомневалась, что мать завершила выбраковку. Женестьева Шастель – маман для девушек – отличалась скрупулезностью.

Кто-то из отправленных «на пастбище» выживет; по крайней мере, какое-то время. Они превратятся в уличных *filles publiques* – самых низших в многочисленной неофициальной иерархии женщин, продающих свое тело в полусвете, начиная от *femmes de terrain* в общественных садах и до увешанных драгоценностями содержанок Версаля. А кто-то из девушек маман найдет свой конец недалеко от улицы Тевено, в грязи Отель-Дё, давно забытой Богом больнице. Еще кто-то попадет в полицейскую облаву и будет выслан за пределы Парижа. Что толку думать об этом? Подобные мысли лишь напомнят, каким шатким было ее собственное положение и до чего близко она находилась от края. Мадлен не имела ни собственных денег, ни имущества, ни рекомендаций. Если маман ее прогонит, она, как и другие, окажется на улице, став еще одним куском мяса для парижского котла. По этой причине она никогда не водила дружбы с другими девушками. Делала то, что требовалось: расчесывала и заплетала им волосы, подкалывала и подшивала платья и меняла забрызганные спермой простыни. Но попытки помочь им не имели смысла. Нужно думать о том, как выжить самой и спасти Эмиля.

– Ты у нас ледышка, – сказала Коралина, когда Мадлен собиралась выйти из дому.

От старшей сестры сильно пахло потом.

Что ж, лучше быть крепкой, как кусок яшмы, чем уподобиться другим, кого раздавили в пыль.

В одиннадцатом часу утра Мадлен свернула на улицу Тевено, где жила с двенадцати лет, с возраста, именуемого нежным. Нежным, словно сочная телячья вырезка. Ее и продали не намного дороже куска говядины. Улица была узкой, и солнце сюда не попадало. Тем лучше. В сумраке облупившиеся фасады домов и грязь под ногами не так бросаются в глаза. Ее путь лежал мимо мастерской уксусника. В воздухе висел едкий запах забродившего вина. Мадлен высматривала сгорбленную фигуру девочки, вот уже несколько недель жившей в одном из подъездов. Вот и она. На ней было мужское пальто, подвязанное веревкой. Наверное, отцов-

³ Птицелов (*фр.*).

ское или от брата досталось. Мадлен не спрашивала. Они почти не разговаривали. Вряд ли девчоночья история будет сильно отличаться от историй других сирот и отверженных, вынужденных жить на зловонных городских улицах. Болезнь, долги, пьянство, смерть. Мадлен не желала об этом слышать.

– Мадемуазель... – Девочка протянула к ней грязную руку.

Сдержанно кивнув, Мадлен полезла в карман и вытащила последние несколько су. Не ахти сколько, но, может, хватит на миску супа.

– Спасибо. Вы очень добры.

«Правильнее сказать, очень глупа», – подумала Мадлен, идя дальше. Девчонка вряд ли переживет нынешнюю зиму, так зачем продлевать ее страдания? Мадлен остановилась, ощутив на затылке чье-то ледяное дыхание, но, обернувшись, увидела лишь тощую черную кошку со сверкающими голодными глазами.

* * *

«Академия», как ее называла маман, занимала два средних этажа высокого закопченного здания в конце улицы. Неказистое, похожее на грязный палец, оно манило к себе искателей плотских утех. Вход помещался с задней стороны дома, и хотя бордель не имел вывески, клиенты находили его по характерному запаху. Мужчины, словно коты, метили свою территорию, отчего ступени провоняли мочой. Дыша ртом, Мадлен вошла, тихо закрыла за собой дверь, сняла грязные сапоги и двинулась вверх по лестнице, выстланной ковровой дорожкой. Из-за закрытой двери доносились рыдания. Мадлен быстро и бесшумно прошла мимо.

– Где ты была? – На площадку выскочил ее племянник Эмиль, неумытый и непричесанный. – Ушла с самого утра, а я проголодался.

Мадлен со смешанным чувством любви и раздражения посмотрела на чумазое мальчишечье лицо:

– Неужели никто не додумался накормить тебя завтраком? Впрочем, чему удивляться? Конечно не додумались. Зачем кормить восьмилетнего мальчишку? Давай, горе мое, иди умой лицо и руки, а я раздобуду нам еды.

Она прошла на кухню, налила в кастрюльку молока и отрезала хлеба. Тишина в доме была напряженной, с удерживаемым внутри гневом и перешептываниями за плотно закрытыми дверями.

Завтракая, они корчили друг другу рожи. Видя, как Мадлен изображает бабушку, Эмиль фыркнул, выплюнув молоко в миску. Но уже через минуту его лицо стало серьезным.

– Сегодня выгнали двоих: Одиль и Лизетту.

– Значит, их?

Ничего удивительного. У Одиль уже два месяца не было менструаций, а Лизетта давно носила кружевные перчатки, скрывая характерную сыпь от сифилиса. Мадлен взглянула на свои руки с поломанными ногтями и красными костяшками, стараясь не вспоминать лица изгнанных.

Эмиль закашлялся, сотрясаясь всем телом. Мадлен растирала ему спину, думая о склянке с лекарством и вспоминая холодные, настойчивые пальцы аптекаря.

– Маду, она избавится от меня? – спросил мальчик, вытирая рот. – Когда-нибудь она и меня прогонит?

Этот вопрос он часто задавал Мадлен, получая одинаковые ответы.

– Конечно же нет, *mon petit*⁴. Ты же ее внук. – Родственные узы мало значили для ее матери, холодной, расчетливой женщины, у которой дело стояло превыше всего. – Ты же полезная машинка. Всегда выполняешь поручения и помогаешь.

Основной обязанностью Эмиля было провожать клиентов домой. Среди них хватало прощелыг, называвшихся чужим именем и дававших вымышленные адреса, а потому маман очень интересовало, в какой дыре они обитают. Если подобный тип не платил или вел себя не лучшим образом, ей требовалось знать, где потом его искать. То, чем занимался Эмиль, было опасно и для взрослого, не говоря уже о восьмилетнем ребенке.

– Маду, а тебя она тоже не прогонит? Она никогда не заставит тебя уйти?

Мадлен напряглась, скрывая это за улыбкой:

– Эмиль, я тебе уже говорила: я так не думаю. Я тоже во многом ей полезна.

Прислуга, учительница, тайная соглядатайка, шлюха. Но от маман гарантий не жди.

В коридоре послышались шаги. Дверь приоткрылась, и в проеме появилось нарумяненное лицо Коралины.

– Маду, маман велит, чтобы ты шла в гостиную. Не заставляй ее ждать.

– Зачем? – спросила Мадлен, у которой сжалось сердце.

– Иди, и там узнаешь. Быстро!

Мадлен поймала пристальный взгляд Эмиля, ощутила его страх и подмигнула племяннику:

– Не волнуйся, *mon petit*. Ты же знаешь ее прихоти. Наверное, хочет, чтобы я растерла ее старые скрюченные ноги. Доедай завтрак.

Но пока она шла по коридору, расправляя подол платья, страх в груди нарастал. Наверное, выбраковка еще не закончилась и следующей кандидатурой будет она.

Войдя в гостиную, обои которой давно выцвели, Мадлен увидела, что мать принарядилась для гостя. Дряблые щеки покрывал густой слой свинцовых белил, и на фоне этой белизны выделялись губы, покрытые ярко-красной помадой. Увидев, кто сидит напротив маман, расположившись на продавленной оттоманке, Мадлен сразу стало не по себе. Это был Камиль Дасье, самый ужасный из всех клиентов Сюжетты, а уж их у нее хватало, всяких и разных. Нельзя сказать, чтобы он отличался еще и уродливой внешностью. У него было грубое, жуликоватое лицо с нервирующими глазами разного цвета: карим и голубым. Эти глаза тут же повернулись к Мадлен.

– А-а-а, наша составительница отчетов.

Он держал себя властно и напыщенно. Впервые увидев его, Мадлен сразу поняла: перед ней – худший из полицейских.

– Коралина, ступай приготовь нам горячий шоколад, – сказала мать, коснувшись руки старшей дочери. – Приятно будет выпить его всем вместе.

В темно-сером платье маман была похожа на жирную, болезненно бледную устрицу. Через несколько секунд Коралина, шурша подолом, направилась к двери.

– Должна сказать вам, месье, что вы хорошо выглядите, – произнесла маман, поворачиваясь к Камилу. – Надеюсь, вы в добром здравии?

Мадлен он вовсе не казался здоровым. Его кожа имела сероватый оттенок, свойственный человеку, который недосыпает и злоупотребляет выпивкой. Когда-то такая же кожа была у ее отца.

– Да, мадам. Грех жаловаться. Девушки у вас хорошие и чистые.

У Мадлен пересохло в горле, ладони стали липкими от пота. Зачем ее позвали сюда?

⁴ Малыш (*фр.*).

– Ох, месье, все мои доченьки – хорошие девушки. Каждая по-своему. Мадлен всегда была самой умной. Все подмечает. Всегда знает истинное положение вещей. Верно, Маду? Это почти компенсирует ее шрам.

Разумеется, маман так не думала. Мадлен она называла *une fichaise* – той, что гроша ломаного не стоит.

Маман еще несколько минут распространялась о других девушках, которых взяла под свое крыло, дабы всех их спасти от бедности. Мадлен сохраняла бесстрастное выражение лица. Слушая речи маман, можно было подумать, будто та владела убежищем для провинциальных девиц, а не заведением для распутников, охочих до задастой женской плоти. Нечего сказать, «Академия». Единственное, чему научилась здесь Мадлен, – это искусству лицемерия и обмана, а также умению притуплять свои чувства и в совершенстве делать *pire*.

– Мадлен, месье Дасье хочет кое-что тебе предложить, – объявила маман, поворачиваясь к дочери. – Кое-что стоящее.

Она продолжала улыбаться, словно вместе с румянами наложила на лицо и улыбку.

– Эти отчеты, что ты нам пишешь, – заговорил Камиль. – Истории, положенные тобой на бумагу. Они очень... полезны.

Мадлен кивнула, соглашаясь с его словами. Отец как мог обучил всех дочерей чтению и письму, и эти навыки нашли неожиданное применение. Более года Мадлен посылала отчеты инспектору Мёнье – «покровителю» борделей и «защитнику» нравственных устоев. Этот человек легко закрывал глаза на продажу двенадцатилетних девочек, на венерические болезни, распространяемые содержанками, и на мошенничество *masquerelles*. Зато ему не терпелось узнать о предпочтениях, извращениях и признаниях, срывававшихся с языка клиентов, приходящих на улицу Тевено. Большинство аристократов предпочитали изысканные *sérailes* на улице Дени или содержали любовницу, а то и двух. Однако находились те, кто не брезговал трущобным заведением, и, когда они появлялись в «Академии», Мадлен заносила на бумагу все их «художества». Сюда заходили политики, обожавшие помочиться девушке на лицо, церковники, охочие до «невинных овечек». Напрасно вся эта публика забывала, что находится под неусыпным наблюдением государства. Париж был опутан сетью *touchés*, и в каждом заведении имелись свои шпионы.

– Итак, мадемуазель Шастель, расскажу тебе одну историю, – начал Камиль; он подался вперед и понизил голос, устремив на Мадлен буравящие глаза. – В высоком доме на площади Дофина живет некий швейцарский часовых дел мастер по имени Максимилиан Рейнхарт. Говорят, доктор Рейнхарт – один из лучших часовщиков Парижа. Исключительно одаренный человек и вполне уважаемый. Он создает игрушки для богатых и раздает милостыню бедным. Но кое-кто говорит, что он делает странные штучки и вовсе не таков, каким кажется. – Камиль снова прислонился к спинке оттоманки. – Горничная Рейнхарта собралась от него уйти.

В гостиной стало тихо. Из комнаты этажом выше доносился чей-то наигранный смех. В соседней комнате кровать шумно ударялась о стену. Вернулась Коралина. На подносе позвякивали чашки с шоколадом. Поставив поднос на стол, сестра села рядом с Мадлен. Коралина сидела почти впритык, распространяя сразу несколько запахов: розовой воды, пота и карамели. Потом несло из выреза ее платья, а карамелью пахло изо рта.

– Вы уже рассказали ей? – спросила Коралина.

– Я к этому приближаюсь, любовь моя.

– Вы желаете, чтобы я стала шпионкой, – догадалась Мадлен.

– Нам необходимо, чтобы ты выяснила, чем он занимается на самом деле, – сказал Камиль Дасье. – Нужно узнать, что он за человек.

Коралина подала Мадлен чашку. Шоколад был плохо размешан, отчего на поверхности плавали комочки.

– А кем он кажется вам, месье? – задала новый вопрос Мадлен.

– Я считаю его очень умным, но весьма странным человеком. Надо его проверить, а то мало ли что. – (Они с маман переглянулись.) – Ходят слухи...

– И о чем говорят эти слухи?

– О том, что он занимается странными делами и проводит неестественные опыты.

– Какие опыты?

– А вот об этом ты и узнаешь. Но шепчутся, что в этой деятельности он зашел слишком далеко и готов не останавливаться ни перед чем, только бы достичь своих целей. Тебе нужно выяснить, правда ли это.

Опыты, часовщики, игрушки для богачей. Что она знала об этих вещах?

– Зачем вам понадобилось это выяснять?

– Насколько тебе известно, я работаю на инспектора Мёнье. Но не только на него. Чтобы выжить в Париже, нужно иметь нескольких хозяев. Так вот, я служу одной весьма могущественной персоне. Тот человек желает удостовериться в характере и качествах Рейнхарта, прежде чем предложить швейцарцу некую важную роль.

Мадлен продолжала смотреть в чашку с шоколадом.

– И что это будет за роль?

Камиль не ответил на ее вопрос, сказав вместо этого:

– Прежде чем принять кого-то к себе в дом, мы обязательно справляемся о его репутации. Верно? – (Мадлен промолчала.) – Но не о твоей. Твою репутацию проверять никто не станет. Я сделаю так, чтобы тебя приняли в услужение. Твое имя шепнут Рейнхарту на ухо. – Камиль снова подался вперед. – Для девушки с такой жизненной историей, как твоя, это редкий шанс. Стоит ли говорить, что второго не представится?

Мадлен смотрела на полицейского с разноцветными глазами. Конечно же он прав. Она была подпорченным товаром: *socotte*, изуродованная шрамом. Ее собственная репутация не отличалась безупречностью. Двадцать три года, но она по-прежнему цепляется за суку, давшую ей жизнь. Не из любви или чувства долга, а по убеждению, что, окажись она одна, парижский котел мигом ее поглотит. Париж сохранял жизнь лишь тем, кто платил. Не обязательно деньгами. Мадлен было почти нечего ему предложить. Об этом ей твердили многократно.

– Мы должны отплатить месье Дасье за его любезность, – неестественно сладким голосом произнесла маман. – Он к нам очень добр и заботится о нас. – Она смотрела на Мадлен и улыбалась, однако глаза оставались серыми и холодными, как Сена. – Дорогая, ты примешь его предложение.

Камиль с легким любопытством следил за их разговором. «Маленький человек, который наслаждается имеющейся у него властью», – подумала Мадлен.

– Месье, что именно потребуется от меня?

– Ты станешь *chambrière* – служанкой на все руки. Ты ведь до сих пор и была таковой. Помимо этого ты будешь исполнять обязанности *femme de chambre* для Вероники, дочери Рейнхарта. Тебе и это знакомо, поскольку ты помогаешь здешним девушкам. Только твоя новая хозяйка будет... менее опытной. – Он посмотрел на Коралину и скривил рот. – Ты будешь замечать, кто приходит в дом, и по возможности слушать разговоры. Записывать любые необычные действия и интересные беседы. Будешь читать все письма, расходные книги и дневники, какие попадутся. И каждую неделю ты будешь посылать мне отчет.

– О докторе Рейнхарте?

– Обо всем, что увидишь у него дома. На это задание тебе отводится тридцать дней, в течение которых ты должна узнать, чем он занимается и какие опыты проводит, а также сделать вывод, можно ли ему доверять.

Целый месяц в разлуке с Эмилем. Ей совсем не хотелось оставлять племянника одного. Она прекрасно знала, как он возмутится и огорчится.

– А вдруг часовщик сразу распознает во мне девушку низкого происхождения? Я ведь работала только здесь. Едва ли я гожусь в горничные для его дочери. Почему бы не попросить кого-то другого, кому не надо притворяться?

– За ближайшие две недели мы тебя подучим. Отшлифуем речь, найдем настоящую *femme de chambre*, чтобы показать тебе, что к чему. Но сдастся мне, Рейнхарт едва обратит на тебя внимание. Богатые обычно не считают слуг за людей. А его дочь – наивная особа. Ей не с чем сравнивать.

– Сколько ей лет?

– Семнадцать.

Мадлен поерзала на стуле. Немногим меньше, чем было Сюзетте, когда та умерла.

– Что о ней известно?

Камиль поковырял в зубах.

– Неискушенная. Почти ребенок. Совсем недавно вернулась из монастырской школы, где отец продержал ее десять лет. Сомневаюсь, что тебе удастся выудить из нее что-нибудь интересное, но попробовать стоит.

Мадлен задумалась о предложении. Нетребовательная госпожа, чистые простыни, теплый дом. Способ выбраться отсюда. Однако ее не оставляло тревожное ощущение, что вся эта затея – ловушка.

– Сколько мне за это заплатят?

– С оплатой я разберусь сама, – молниеносно ответила маман.

Это точно. Разберется, как разбиралась с деньгами, которые девушки получали за свои услуги. Деньгами, которые якобы шли на их содержание. Мадлен такой вариант не годился, ибо в случае ее согласия на работу и готовности полиции платить она ставила себя в опасное положение.

– Если я соглашусь на ваше предложение, деньги я должна получить сама, – сказала Мадлен, пристально глядя на Камиля. Она видела, как мрачнело лицо маман, в которой, словно дым, поднималась ярость. – Затем мы поделим деньги.

– Да ты настоящая дочь своей матери! – засмеялся Камиль, окидывая ее взглядом. – Хорошо. По завершении работы ты получишь на руки пятьсот ливров. Как ты будешь делиться с матерью – твоё дело.

Пятьсот ливров! Маман хорошо поторговалась. Но это выглядело подозрительно легким и гладким.

– А когда я выполню это задание, что вы предложите мне потом? – спросила Мадлен.

– Ты поднимешься на несколько ступенек выше, мадемуазель Шастель. Если успешно справишься, получишь новые предложения, где будет больше обязанностей, но и больше денег.

Если она успешно справится. А если нет? Если Рейнхарт и его дочь раскусят ее? «Мухи», как называли шпионов полиции, у всех вызывали отвращение и ненависть. Разоблаченных забивали камнями на улицах, а оставшиеся в живых становились изгоями. Но кем, по правде говоря, была она сейчас? Какие еще возможности открывались перед ней – бордельной девкой со шрамом? Она так и будет влачить свое существование в «Академии», глядя, как все новые девушки заражаются сифилисом. А что ждет Эмиля? Атмосфера борделя разъест ему душу или вовсе погубит. Пока он мал, клиенты его щадят, но потом могут и убить. Не они, так слабое здоровье.

Она облизала губы:

– Но если Рейнхарты догадаются, кто я такая, или если я не найду то, что вам нужно, что будет со мной?

Камиль не ответил на ее вопрос. Он сказал другое:

– Если будешь вести себя правильно, если ты действительно умна, как утверждает мадам, тебя не разоблачат и ты успешно исполнишь мое поручение. – Он склонил голову набок. – Ну

так как, мадемуазель? Тебе хватит смекалки, чтобы одурачить хозяев и остальную прислугу? Чтобы похитить секреты Рейнхарта и принести их мне?

Мадлен выдержала его взгляд. Едва ли не всю жизнь она лицемерила и притворялась. Неужели она не сможет разыграть горничную перед часовщиком?

Маман наклонилась к ней и коснулась жаркой рукой:

– Соглашайся, *mon petite*. Это твоя возможность блеснуть. Ты ведь сделаешь это для нас? Не посрамишь свою старую мать?

Мадлен помолчала, глядя на натянутую улыбку маман и ее сгнившие зубы, попорченные многолетним поеданием конфет и цукатов.

– Да. Раз вы этого хотите, я сделаю. Постараюсь изо всех сил.

В действительности она сделает это не для матери и не для Коралины. Она это сделает ради денег и ради Эмиля. Девушка ставила на карту все, усмотрев в предложении Камиля шанс выбраться отсюда вместе с племянником.

Глава 2

За последующие две недели погода стала еще холоднее и суровее. Цены на хлеб взлетели. Птицы замерзали на лету. На улицах зажигали костры, дабы спасти нищих от смерти. Дети спали прямо на печах для обжига извести. Подброшенные младенцы замерзали на ступенях сиротских приютов. Обильно падал снег, молчаливый как смерть. Он закрывал уличную грязь и зловонные реки нечистот, текущих вдоль дорог, отчего трущобные закоулки сверкали, словно салоны знати. Когда для Мадлен настал день покинуть «Академию» своей маман и отправиться в дом часовщика, мерзлая земля блестела ледяной коркой. Мадлен быстро и тихо оделась в сумраке зимнего утра, слушая шуршание мышей в стенных перегородках. Потом, наклонившись к спящему Эмилю, поцеловала в голову, вдыхая его запах и одновременно молясь словами, которых не встретишь в молитвах, чтобы самой не оказаться мышью, отправляющейся напрямик в западню.

В доме еще не успели проснуться. Мадлен вышла и, осторожно ступая по льду в тонких кожаных сапогах, двинулась по улице Тевено мимо закрытых ставнями окон ремесленников, изготовителей вееров и торговцев непристойными книгами. Она без сожаления прощалась с ними, отправляясь в лучшую жизнь. Подойдя к подъезду, где ночевала бездомная девочка, Мадлен сунула руку в карман. В подъезде было пусто, и Мадлен вдруг ощутила такую же пустоту внутри. Суповая миска осталась, а девочка исчезла. Возможно, кто-то взял ее к себе, но, скорее всего, ее попросту выгнали отсюда. Не исключено, что она замерзла насмерть. Стоит ли удивляться? Случилось то, чего Мадлен и ожидала. Нечего думать об этом.

На углу улицы Бу-дю-Монд ноздри Мадлен уловили запах кофе. Она увидела старуху Мари с жестяным кофейником на сгорбленной спине и поблескивающей оловянной кружкой в руке.

– Красавица, задержись на минутку. Всего два су за кружку.

Но Мадлен было некогда останавливаться. Что хозяйева подумают о служанке, которая так поздно встает? И как это позволяют ей там, откуда она пришла? Мадлен пошла дальше, мимо величественных ступеней Лувра, где снег лежал белыми пирамидами. Вот и набережная Эколь. На воде покачивались лодки, ударяясь о причальные шесты. Вода бесшумно несла распухший труп собаки. За мостом Пон-Нёф двойной циферблат часов торгового дома «Ла Самаритен» показывал, что у нее остаются считанные минуты, иначе она опоздает. Снег под ногами был перемешан с золой, грязью и навозом, утрамбован тележными колесами, припечатан конскими копытами и множеством человеческих ног. Писари в теплых рукавицах, портные, виноделы, крысоловы, цирюльники и переплетчики спешили по конторам, мастерским и домам знати. Мадлен вышла на мост, где ледяной ветер обжигал кожу и раздувал перья на шляпах. Она оглянулась на серую воду и правый берег, на котором провела одиннадцать лет. Место, бывшее ей домом и тюрьмой, убивавшее ее изнутри. Возможно, судьба давала ей шанс начать жить заново. Или же затея Камиля окончательно ее доконает.

Мадлен перешла на остров Сите и очутилась на элегантной площади Дофина, где треугольником стояли высокие дома. Здесь жили торговцы драгоценными камнями и жемчугом, зеркальщики и часовщики. Сейчас эти люди еще брились, попивали утренний шоколад или открывали свои дорогие магазины. Мадлен поспешила к дальнему краю площади. В воздухе вкусно пахло пекущимся хлебом. Вскоре она увидела очередь дрожащих от холода слуг, покупающих хлеб. Купившие выходили с посыпанными мукой караваем. Двое нищих тянули к ним руки. Слуги брезгливо отворачивались. Если в Париже ты не способен заработать себе на хлеб, считай, что у тебя стеклянные кости, ибо кажется, что люди смотрят сквозь тебя.

Когда Мадлен подходила к дому, раздался перезвон колоколов церквей, что находились на острове и по обоим берегам Сены. Их звон несся над водой. Каждый колокол имел свой голос, но все они сливались в общую волну. Казалось, будто само время нещадно ее подгоняло.

Вот и ступени крыльца. Над дверью покачивалась вывеска в форме позолоченных часов. Мадлен поднялась на крыльцо, тщательно с сапог снег и грязь, после чего протянула руку к медному дверному молотку, набрала в легкие воздуха и постучала.

Минуту или две она стояла, сжимая в руке сундучок, и смотрела на высокий дом из песчаника. Его вытянутые окна холодно поблескивали на разгоравшемся утреннем свете, скрывая находящееся внутри. Мадлен показалось, что дом наклонился вперед и с презрением смотрит на нее, видя ее истинную суть. Если сравнивать его с домом, из которого она пришла, этот был большим, но не настолько, как ей представлялось. Слушая Камиля, Мадлен вообразила себе нечто более величественное и изощренное, чуть ли не дворец. Вместо этого она увидела унылое, отталкивающего вида здание, похожее на богадельню или лечебницу для умалишенных. Но стоило ли удивляться? Все, что она знала об этом доме и часовщике, исходило от человека, которому она никогда не доверяла.

Наконец дверь открылась. На пороге стоял неулыбчивый мужчина. Людей с черной кожей она видела впервые. И настолько замкнутых – тоже. Он был одет в зеленовато-голубую ливрею, расшитую золотом. Лакей.

– Ты новая служанка, – не поздоровавшись, произнес он и отошел, пропуская ее внутрь.

Пол в холле был выложен черными и белыми мраморными плитками и напоминал большую шахматную доску. Тишину нарушало нескончаемое «тик-так». Вдоль стены выстроились часы: напольные в высоком футляре, с медным циферблатом и витыми стрелками; позолоченные, со множеством золотых фигурок, часы на пьедестале, с серебряной птичкой, разевающей и закрывающей клюв. Чему ж тут удивляться? Это дом часовщика. Но от движения часовых механизмов и постоянного тиканья Мадлен занервничала еще сильнее. Тиканье слышалось не одновременно, а вразнобой, как бьются сердца испуганных людей.

Лакей молча вел ее по холлу, не мешая пялиться на стены и картины, висевшие над часами. Точнее, не совсем картины, а зарисовки человеческих костей. Один рисунок изображал человека, лишенного кожи и с пустыми глазницами. И запах в передней был какой-то холодный; пахло восковой мастикой и лилиями. Ни тебе резкого запаха человеческого пота, ни пудры, сальных свечей и мочи – привычных запахов дома ее матери. Дом часовщика мог показаться пустым, но он не пустовал. Мадлен ощущала чье-то присутствие. Кто-то, дыша почти бесшумно, за ней наблюдал. Пройдя холл, лакей спустился в кухню – большое помещение с кафельным полом. По стенам висели медные кастрюли, копченые окорока и несколько тушек неошипанных фазанов с яркими перьями. У плиты, помешивая кофе в кофейнике, стояла женщина в белом чепце. Ее худая спина, казалось, вот-вот переломится.

– Наконец-то, – сказала женщина, поворачиваясь к Мадлен.

Боже, никак уже пять минут девятого?! Мадлен сделала торопливый реверанс.

– Мадам, на улицах сплошной гололед, – сказала она, мысленно добавив: «Учитывая рискованность всей затеи, тебе повезло, что я вообще пришла».

У Мадлен крепло ощущение, что ей не стоило сюда приходить. Что-то в этом доме было не так. Она глядела в пол, но знала: женщина пристально смотрит на нее и гадает о причинах шрама на лице.

– Жозеф, отнеси ее пожитки в комнату, где она будет жить.

Лакей кивнул. Его лицо оставалось похожим на маску. Взяв сундучок Мадлен, он ушел.

Женщина сняла кофейник с плиты, поставила на стол и подошла к Мадлен. Ее лицо не отличалось привлекательностью: мелкие черты, мутноватые глаза, кожа, напоминающая вет-

чинную кожуру. Мадлен прикинула ее возраст: лет двадцать восемь или чуть больше. Годы, которые высосали из нее всю радость.

– Ты, значит, Мадлен. Меня зовут Агата. Я тут проработала пять лет, а теперь ухожу. – Агата сделала паузу. – Работы тебе хватит, но ты справишься, если сумеешь приноровиться. Ты ведь до этого работала у торговца одеждой?

– Да. На улице Сен-Антуан, – ответила Мадлен, избегая взгляда Агаты.

– И была, как говорят, работницей на все руки?

Мадлен кивнула. Это точно, на все руки. Чего ей только не приходилось делать, начиная от вполне невинных и обыденных дел до странных и экзотических, включая выполнение прихотей садистов, имевших обыкновение хлестать девушек плеткой.

– Слуг в доме не много. Кроме меня, еще повариха Эдме и Жозеф, которого ты видела. Он прислуживает доктору Рейнхарту. Мы тут было взяли девку – помогать на кухне, – но быстро спровадили. За что ни бралась, все падало из рук. А ты, помимо прочего, будешь прислуживать Веронике – дочке хозяина. Будешь помогать ей одеваться и совершать туалет. Девушка много лет провела в монастырской школе, но пару недель назад ей стукнуло семнадцать, и отец забрал ее домой. Нужно ей помогать во всем, чтоб выглядела надлежащим образом. Матери-то у нее нет.

– А что случилось с ее матерью?

– Умерла, рожая Веронику.

Заурядная история. Такое часто случается, и нечего об этом думать.

– Доктор Рейнхарт, он... хороший хозяин? – спросила Мадлен.

Агата прищурилась:

– Довольно справедливый, это да. Но его манеры покажутся тебе странноватыми.

– В каком смысле?

– Поймешь, когда его увидишь. Сейчас он ушел к заказчику.

– Он продает часы?

– Да, часы и другие механические штучки. Он делает из металла разных существ, которые двигаются. – Служанка поморщилась. – Мне дома такое и даром не нужно, а вот богачам они нравятся.

Мадлен вспомнила тиканье часов в холле и птичку, разевающую клюв.

– Он и ее обучает своему ремеслу, – тихо добавила Агата.

– Дочку?

– Да.

Агата недовольно изогнула бровь, не отличавшуюся густотой. Подойдя к столу, она взяла кофейник.

– А вы, мадемуазель Агата? – спросила Мадлен. – Вы останетесь в качестве...

– Я сегодня ухожу отсюда.

– Нашли себе другое место?

– Нет, возвращаюсь к семье. – Она скривила губы. – Мать у меня заболела.

– Я вам сочувствую.

Женщина кивнула. Наверное, сочувствие Мадлен показалось ей искренним, ибо в глазах что-то потеплело.

– Здесь порой бывают приходы и уходы. По ночам.

Это уже что-то.

– Поясните, мадемуазель. Кто приходит и уходит?

– Мой тебе совет: вопросы свои держи при себе. Так всем будет легче.

Мадлен на этом не успокоилась бы, но на кухонной лестнице послышались шаги и шуршание одежды.

Спрыгнув с последней ступеньки, в кухню вбежала худенькая светловолосая девушка с острым лицом. На ней был мятый зеленый пеньюар, на ногах – парчовые домашние туфли. Мадлен она показалась феей из сказки, а не девушкой из привычного мира. Увидев незнакомку, девушка остановилась и уставилась на нее немигающими глазами. В кухне наступила гнетущая тишина.

– Вероника, это Мадлен, – наконец сказала Агата. – Теперь она будет прислуживать вам. Глаза девушки имели странный цвет: светло-зеленые, с янтарными прожилками.

– Доброе утро, – произнесла Вероника. – Я не ожидала... то есть я рада, что ты пришла.

Впрочем, судя по голосу, она не испытывала никакой радости. «Красивая девушка», – подумала Мадлен. Красивая какой-то иной красотой, не от мира сего. Кожа Вероники отличалась нежностью и белизной, чем-то напоминая рулон шелка цвета слоновой кости. Было бы трудно не возненавидеть ее, но, пожалуй, это даже к лучшему.

– Я рассказывала Мадлен о ее обязанностях в вашем доме, – пояснила Агата. – А про все, что желательно вам, вы ей сами расскажете.

– Мне особо и рассказывать не о чем. У меня никогда не было горничной. Я все делала сама. – Вероника взглянула на Агату. – Где Эдме? Она еще не приготовила завтрак? Если честно, я очень проголодалась.

«Она проголодалась!» – насмешливо подумала Мадлен. – Знай ты настоящий голод, то не бросалась бы этим словом. Ты и не догадываешься о толпах босоногих оборванцев со впавшими глазами, которые стекаются в Париж, радуясь куску подгорелого хлеба». Откуда ей это знать? Девица жила в стенах монастыря. Теперь в отцовском доме, где ей тоже не грозит встреча с реальной жизнью. Но это даже к лучшему. Чем наивнее хозяйская дочь, тем легче будет Мадлен выполнить задание.

– Эдме ушла за свежими булочками, – сообщила Агата. – А я готовлю вам кофе. Мадлен, отправляйся с мадемуазель Вероникой и помоги ей с туалетом. Вскоре я подам завтрак.

Идя вслед за хозяйской дочкой, Мадлен поднялась по лестнице и оказалась в комнате, где на полках плотно стояли банки с кошмарными существами: двухголовым поросенком, обе морды которого подняты вверх, и змеей с черными полосами. Мутные глаза змеи были открыты, а тело свернуто кольцами.

– Препараты, – пояснила Вероника, оглянувшись на Мадлен. – Мой отец учился на анатома. Ты знаешь, что это такое?

– Думаю, да, мадемуазель.

Мадлен, конечно же, знала. Анатомами называли людей, которые вскрывали и потрошили трупы, вырезая оттуда отдельные части, и у которых руки были по локоть в крови.

– Но мне говорили, что ваш отец – часовых дел мастер.

– Так оно и есть, однако он делает не только часы. Идем сюда.

Мадлен успела заметить банку, внутри которой находился младенец, раньше времени извлеченный из материнского чрева. Кожа словно яйцо пашот, глаза плотно закрыты, голова неправильной формы с пушком волос. Может, она видит результат опытов, о которых говорил Камиль, или это дело рук кого-то другого? Кем считать человека, у которого в банке, словно маринованная луковица, плавает человеческий младенец?

Вероника открыла дверь в другую комнату. Должно быть, здесь находилась мастерская доктора. Мадлен увидела разные станки, машину с большим медным колесом, нечто похожее на двигатель. Полки и шкафы были плотно забиты коробками и книгами. Рядом со створчатым окном стоял высокий верстак, заваленный циркулями, пилами и иными странного вида инструментами с деревянными ручками. Со стен свешивались какие-то приспособления, наверное для изготовления часов, хотя некоторые скорее напоминали отвратительные орудия пыток. Здесь непривычно и резко пахло сажей, химическими веществами и... тайной.

– Тут он все и создает, – сказала Вероника.

Девушка выдвинула ящик под верстаком и достала деревянную коробочку. Внутри находился серебряный паук, которого Мадлен вначале приняла за брошку. Но не успела она и глазом моргнуть, как паук устремился по верстаку прямо к ней. Его движения были быстрыми и вороватыми, как у настоящего паука. Тоненькие серебряные лапки скребли деревянную поверхность. Мадлен едва удержалась, чтобы не закричать. И вдруг, в нескольких дюймах от нее, паук замер.

Вероника улыбнулась, но ее глаза следили за Мадлен.

– Правда, удивительное создание? Но он еще не закончен.

Мадлен лишь смотрела на дочку часовщика. У нее душа ушла в пятки, а во рту ощущался привкус желчи. Нет, она не позволит, чтобы какая-то семнадцатилетняя девица посчитала ее душой. Приглядевшись к пауку, Мадлен заметила, что его тело, словно коробка, состоит из двух частей, сделанных очень искусно, отчего он казался совсем настоящим. Ей вспомнились слова Агаты о существах, которые двигаются. Она и раньше видела на ярмарках диковинные заводные фигурки. Но здешние были гораздо меньше, красивее и ужаснее.

– Спасибо за показ, мадемуазель, – бесстрастно произнесла Мадлен. – А теперь я помогу вам одеться.

Стены будуара Вероники были цвета морской волны, причем темного оттенка, отчего Мадлен показалось, что она погрузилась под воду. На каминном экране порхали нарисованные птицы. В углу поблескивал гардероб, отделанный черным деревом и инкрустированный черепашими панцирями и бронзой. С портрета в тяжелой золоченой раме смотрело овальное лицо женщины. Под портретом лежала забавная потрепанная кукла с пустыми глазами из зеленого стекла. Таких комнат Мадлен еще не видела, но не выказала своего удивления, подражая в бесстрастии кукле.

Вероника уселась перед туалетным столиком.

– Мадемуазель, вам расчесать волосы?

– Да. Думаю, это входит в твои обязанности.

Мадлен взяла со столика серебряную щетку. Шершавая ладонь сразу почувствовала тяжесть дорогой вещицы. Волосы у Вероники были гуще, чем у Сюетты, светлее и чище. Когда моешь голову под ручным насосом, из которого льется чуть ли не ледяная вода, об особой чистоте волос не думаешь. Мадлен поймала в зеркале взгляд Вероники. Девушка внимательно разглядывала ее лицо.

– Значит, ты будешь мне прислуживать. А сколько тебе лет?

– Почти двадцать четыре.

Вероника слегка улыбнулась:

– В таком случае я буду тебе кем-то вроде младшей сестры. У тебя есть сестры?

Мадлен старалась, чтобы движения щетки были плавными. Ее поражала манера речи Вероники; казалось, девушка насмехается над ней.

– У меня одна сестра, мадемуазель.

«Была вторая, которая не так давно легла в землю, унеся с собой часть меня».

– Младшая или старшая?

– Старше меня на два года.

– Хорошенькая?

Мадлен подумала о каштановых локонах и заученной улыбке Коралины, вспомнила сердцевидное лицо Сюетты. «Бог даровал мне одних дочерей, но он хотя бы сделал их обаятельными».

– Да, очень хорошенькая.

– Она тоже служанка?

– Нет, она актриса.

В каком-то смысле так оно и было. Коралина день и ночь разыгрывала желание, пробуждая его в других.

– И где она играет?

– Где придется. Места не слишком известные. Вряд ли вы в таких бываете.

– Я вообще никогда не была в театре. Я совсем недавно вернулась домой. Мой отец отнюдь не театрал.

Мадлен не знала, что ответить Веронике. Зачем жить в Париже, если не ходить в театры, не бывать в опере и не смотреть балет, особенно когда денег хватает, как у доктора Рейнхарта? Ответа на этот вопрос она не знала, зато очень хорошо знала, какова жизнь в Париже без гроша в кармане. Пялишься на витрины, на сверкающие окна особняков, за которыми мелькают смеющиеся лица. Смотришь и понимаешь: тебя туда никогда не пустят. Но если тебе открыты двери, почему бы туда не войти? Что-то здесь было не так.

– Мадемуазель, где у вас щипцы для завивки?

– У меня их нет. Наверное, надо купить.

Девушка продолжала смотреть на Мадлен. Наверняка Вероника уже сообразила, почему Мадлен не стала актрисой и каково жить с изуродованным лицом, когда сестра у тебя если не красавица, то очень симпатичная. Что бы она ответила Веронике, если бы та спросила? Сказала бы, что иногда ощущала собственную никчемность, иногда радовалась, а порой ее захлестывало чувство вины.

Мадлен взяла с кровати шелковую нижнюю юбку. Вероника сняла ночную сорочку, обнажив свое молочно-белое тело. Корсета она не носила.

– Поднимите руки, мадемуазель.

Мадлен надела ей через голову юбку.

– Вы выбрали платье?

Открыв гардероб, Вероника достала розовато-лиловое платье, простое, но лучше всех платьев, которые были у сестер Мадлен. Такое платье стоило не менее полусотни ливров. Мадлен застегнула на платье костяные пуговицы, подтянула рукава и начала зашнуровывать корсаж.

– Ты и раньше была горничной?

Мадлен не нравились эти расспросы. Она продолжала свою работу, думая о выучке, полученной за две недели. Уроки давала ей служанка, подкупленная Камилем. «Говори только тогда, когда тебя спросят, – поучала ее та девушка. – Отвечай односложно; чем скучнее твоя речь, тем лучше. Господам ровным счетом плевать на твои мысли».

– Да, мадемуазель. Много лет.

С тех пор, как ее цена стремительно упала.

– И ты не возражала?

– Это лучше многих других работ.

Конечно возражала. Кому понравится быть человеком второго сорта и донашивать одежду за другими? Кому понравится выносить ночные горшки, поскольку твоя ценность как шлюхи упала вдвое? Ей представилась возможность выхода, пусть и по узенькой тропке. Если она поскользнется, то падать будет очень долго.

Послышался скрип закрывшейся входной двери.

– Ваш отец? – спросила Мадлен.

Вопрос прозвучал слишком резко, выдавая ее простонародный говор. А она изо всех сил старалась это скрывать.

– Нет, не он. Отец раньше вечера не вернется. Должно быть, Эдме пришла. – Помолчав, Вероника тихо добавила: – Когда увидишь моего отца, не бойся. Тебе нечего бояться. Кстати, не удивляйся его манерам. Порой он лучше обращается с машинами, чем с людьми.

Машины. Такие, как спящий паук и серебряная птичка.

– Сомневаюсь, что я испугаюсь вашего отца.

Мадлен свернула ночную сорочку Вероники и убрала под подушку. Она могла бы многое рассказать о мужчинах со стиснутыми кулаками и красными глазами и, что еще хуже, холодных и жестоких. Но она изучила подобных мужчин и умела выдерживать их натиск. Не потому ли Камиль и выбрал ее? Вспомнив слова Вероники об отце, Мадлен поняла: этот часовщик не просто странный человек. Возможно, он гораздо хуже и опаснее.

* * *

Повариха Эдме была женщиной с тяжелой челюстью и тронутыми сединой волосами, которые она заплетала в толстую косу. Хмуря черные брови, Эдме с подозрением смотрела на Мадлен. И не просто смотрела; повариха оглядела новую служанку с головы до пят, как осматривают предлагаемый товар, пытаясь понять, не краденый ли он.

– И сколько лет ты в услужении?

– Девять, мадам. С тех пор, как мне исполнилось четырнадцать.

– Накрывать на стол доводилось?

– Конечно. – Она подавала пироги и прочие лакомства, принесенные из кондитерской. Подавала графины с дешевым вином, зная, что клиенты уже изрядно пьяны и не заметят его качества. – Вам не стоит беспокоиться на этот счет.

– У нас тут очень строгие порядки. – Повариха нахмурилась. – Не думай, будто все знаешь. Есть комнаты, которые надлежит держать закрытыми. Есть дела, которые нужно делать определенным образом. Ты всегда должна спрашивать у меня.

– Да, мадам. – В Эдме было что-то от хозяйки этого дома. – Я постараюсь научиться всему, что нужно.

Эдме едва заметно кивнула:

– Ты что пьешь по утрам: кофе или шоколад?

– Если можно, кофе. С молоком.

– Ясно. Каждое утро, в четверть шестого, я буду приносить тебе воду для умывания. К половине шестого ты уже должна быть на ногах и растапливать печи.

От одной мысли об этом Мадлен почувствовала себя уставшей.

– Конечно, мадам.

– Мы тут ничего не выбрасываем. Всю оставшуюся еду собираем и раздаем беднякам, которые приходят к двери. Так повелел хозяин.

Любопытно.

– Значит, он добрый человек?

– Правильнее сказать, справедливый. Считает, что все люди равны.

«Странно, – подумала Мадлен. – Особенно для *haute bourgeois*, помешанных на своем статусе».

– И хватит называть меня «мадам». Я для тебя просто Эдме. Мы все зовем друг друга по именам. За исключением хозяина, конечно. К нему обращаются «месье» или «доктор Рейнхарт». – Повариха указала на стол. – Если ты еще не ела, садись завтракать. Хлеб не ахти какой свежий, но подручный пекаря, похоже, улизнул.

В голове Мадлен словно дернули за крючок.

– Куда улизнул?

– Кто ж его знает? Пекарь это обнаружил только утром. А парень был такой старательный... Хлеб намажь вареньем. – Эдме кивнула в сторону полки. – Хорошее варенье. Сама варю. Только тогда и знаешь, что туда положено.

Мадлен с жадностью посмотрела на поблескивающие банки с вареньем: пурпурное сливовое, красное клубничное. На крышке каждой банки лежала серебряная ложечка.

– Такого я еще не видела.

Она говорила правду. В доме маман никто не варил варенье, хотя Бог свидетель, сколько слив приносил их сад.

Повариха угрюмо кивнула, однако лицо раскраснелось от похвалы. Она выдвинула стул, чтобы Мадлен садилась.

– Давай ешь. Тебе понадобятся силы. Работы в нашем доме полным-полно. Есть и такая, к которой ты не привыкла. – Она помолчала. – Слышала, тебе дали хорошие рекомендации.

– Я привыкла много работать, – глотая слюну, ответила Мадлен.

– Что ж, посмотрим. Вот и проверим, как быстро ты освоишься.

Эдме вновь пристально посмотрела на нее. Мадлен испугалась, что повариха догадается, чем на самом деле были эти рекомендации: враньем, написанным черным по белому. Но может, эта женщина так смотрела на всех? Оценивала, кто чего стоит, выискивала скрытые изъяны подобно тому, как маман проводила смотр своих девушек. Как бы то ни было, а с Эдме нужно держать ухо востро и никогда не терять бдительности.

– Садись. Ешь. Пей кофе. Потом Агата тебе расскажет и покажет, что нужно делать.

После завтрака Агата повела Мадлен по дому, открывая двери гостиной, мастерской, столовой и спальни и объясняя, что, когда и как надо делать. Белье здесь стиралось раз в неделю, паркет надлежало регулярно натирать, а серебро чистить. Порядок в шкафах наводили с помощью уксуса. Дощатые полы мыли щелоком и песком, оттирая каждую половицу так, чтобы не оставалось ни пятнышка. Хотя Агата вроде бы показала ей все, что надо, Мадлен одолевала сомнения. Похоже, прежняя служанка о чем-то умалчивала, о некоем секрете, который Мадлен видеть незачем. Куда бы они ни заходили, она повсюду видела шелка и плотный бархат бордового, шоколадно-коричневого и темно-зеленого цветов. На окнах висели узорчатые занавески. Казалось, дом вбирал в себя весь дневной свет, а толстые ковры поглощали шаги и голоса. Оставалось лишь неумолчное тиканье часов. Куда бы она ни заходила, ее повсюду встречали они: на деревянных полках и мраморных полках каминов, на шкафах и даже в коридорах, где напольные часы были похожи на башни.

В комнате, чьи окна выходили на фасад, Агата отперла шкаф красного дерева, сказав:

– Здесь хозяин держит готовые часы для показа покупателям.

Агата широко раскрыла дверцы шкафа, отошла и, сложив руки на груди, предоставила Мадлен взглянуть на содержимое. В сумраке там находились диковинные вещицы, каких девушка еще не видела: бронзовая мышь, усеянная сотнями крошечных жемчужин, эмалированная сова с глазками-агатами и перьями из серебра и золота, черепаха с настоящим панцирем, на которой восседал позолоченный Нептун. Уловив движение, посланница Камиля посмотрела на верхнюю полку и увидела серебряную летучую мышь с кожаными крыльями. Та повисла как живая.

– Я решила: покажу тебе все это заранее, чтобы ты потом не испугалась, – сказала Агата. – Когда хозяин их заводит, все это зверье движется. Сама увидишь. Но у них есть отвратительная привычка – двигаться самим по себе. Ключи находятся у Жозефа. Я стараюсь держаться от этого подальше.

Мадлен смотрела на красные незрячие глаза мыши и тонкие золотые усики. Штучка явно дорогая, но чудная и даже подозрительная.

– Это что, игрушки? Как они действуют? Как хозяин заставляет их двигаться?

Агата пожала плечами:

– Они движутся, как и часы, с помощью винтиков, пружинок, проволочек и прочего. Сама не понимаю, как он их делает. Мне все это кажется магией. Давай я закрою дверцы от греха подальше.

Мадлен в последний раз взглянула на механическую летучую мышь. Тонкая черная кожа крыльев, натянутая на серебряные кости, была очень похожа на настоящие перепончатые крылья летучих мышей. Мадлен представила руки, которые сделали эту жутковатую игрушку. Кто же он, доктор Рейнхарт, умеющий делать подобные диковины?

– А это – главные часы, – сообщила Мадлен Агата, когда они, покинув комнату, проходили мимо больших напольных часов в коридоре, футляр которых был сделан из орехового дерева. – По этим часам сверяют все остальные. Заводить их – обязанность Жозефа, но и ты должна прислушиваться, правильно ли они бьют. Следить, чтобы ничто не нарушало порядок, – твоя главная забота в этом доме.

Мадлен кивала, но ее нервозность переросла в страх. У нее свело живот. Никогда еще она так остро не ощущала время и не сознавала его быстротечность. Камиль дал ей тридцать дней. Если она оплошает, если хозяин ее раскусит, у нее не будет ни второго шанса, ни пощады. Полиция за нее не вступится.

Наконец Агата привела Мадлен в комнатку на последнем этаже.

– Вот здесь ты будешь жить, – сказала она, открывая дверь.

Помещение оказалось маленьким и узким, словно монашеская келья, с соломенным матрасом на кровати, покрытым коричневым одеялом, и с небольшой жаровней с погасшими углями.

– Мне здесь жилось вполне сносно.

– Да, – ответила Мадлен, стараясь не показывать своей разочарованности.

Невзирая на роскошное убранство дома, на позолоченную мебель и белые кружева, ее новое обиталище почти не отличалось от комнаты в доме маман. Ноздри уловили странный запах; возможно, это был запах Агаты.

– Спасибо, что провели меня по дому и все показали. Надеюсь, ваш путь домой не слишком длинен.

Агата молча стояла, оглядывая комнату, словно желая запечатлеть в памяти свое многолетнее жилье. Мадлен попыталась увидеть все глазами прежней служанки, но не смогла. Для нее комната выглядела скудной и замшелой. Из мебели – только простой дощатый стол, стул и треножник с жестяным, покрытым глазурью тазом. Негусто для такого роскошного дома.

– Ну, мне пора, – сказала Агата. – Желаю удачи.

– Спасибо, – ответила Мадлен, удивившись пожеланию.

Почему Агата думала, что Мадлен в этом доме понадобится удача? Ей хотелось побольше расспросить теперь уже бывшую служанку: о хозяине, Веронике, ночных визитах и ощущении, словно за ней следят. Но по щекам Агаты текли слезы, причину которых Мадлен не понимала.

Когда Агата ушла, Мадлен зажгла огарок свечи на столе, открыла сундучок и достала оттуда свое второе платье, ночную сорочку, рубашку, нижние юбки и чулки. Бумагу, перья и пузырек с чернилами она оставила в сундучке, который снова заперла и запихнула под кровать. От слуг не ожидали умения писать. Отчасти это было причиной, почему Камиль выбрал ее. Этими словами Мадлен мысленно себя подбадривала. Видел бы отец ее сейчас, видел бы, как пригодились его уроки грамоты. Сам он под конец жизни не мог уже писать – у него сильно тряслись руки. Последние несколько месяцев Мадлен писала за него счета и письма, понимая в свои десять лет, что жизнь, окружающая ее, никуда не годится.

– Ты будешь писать мне не менее одного раза в неделю, и не вздумай увиливать, – наставлял ее Камиль перед отправкой в дом часовщика. – Будешь описывать все, о чем узнаешь. Письма будешь относить в кафе «Прокоп». Если ты мне понадобишься, я дам знать.

А если вы мне понадобится? Зря она не задала этот вопрос. Вдруг все пойдет совсем скверно? Она подумала об Эмиле. Мальчишке впервые придется спать одному. Прежде чем

соглашаться, надо было поподробнее расспросить Камиля и составить более ясное представление о часовщике и его доме.

Стоя посреди комнаты, Мадлен услышала, как хлопнула входная дверь. Раздались мужские голоса. Она приоткрыла дверь своей комнатенки, чтобы послушать, о чем говорят, но разговор прекратился. Затем послышались шаги на лестнице в другой части дома, открылась и закрылась другая дверь. У Мадлен забилося сердце: должно быть, это вернулся доктор Максимилиан Рейнхарт, знаменитый часовщик с площади Дофина, проводящий странные опыты.

Мадлен подошла к окну. Оно выходило на площадь, где горели помаргивающие уличные фонари. Если открыть окно, она увидит каменных львов и орлов на Дворце правосудия, а также узкие разновысокие дома, сгрудившиеся по левому берегу. Услышит плеск весел лодок, отплывающих с острова Сите, и крики пьяных гуляк с другого берега Сены.

– К концу четвертой недели, – говорил Камиль, – ты узнаешь, что за опыты он проводит. А главное – придешь к выводу, является ли этот человек просто чудаковатым, или у него странности иного рода.

Теперь Мадлен ясно понимала: Камиль ее предупреждал. Ей поручили это задание не потому, что она умела читать и писать. Совсем по другой причине. Для них ее жизнь ничего не стоила. И они знали: что бы ни случилось, ее мать будет держать язык за зубами.

Да только ее так просто не раздавишь. Не для того она с детских лет боролась за собственное выживание, чтобы ее стерли в порошок, как семена в ступке аптекаря. Она должна справиться с заданием, и она справится. Пусть сама она утратила прежний блеск, ее драгоценностью оставался Эмиль, которого Мадлен пообещала вызволить из «Академии».

Глава 3

Хозяйина Мадлен увидела на второй день.

– Сейчас самое время показать тебя моему отцу, – сказала Вероника, словно Мадлен была столовым серебром и доктору Рейнхарту требовалось ее осмотреть на предмет изъянов. – Пусть убедится, что ты уже здесь.

Доктор Рейнхарт стоял у большого стола в центре мастерской. Он был настолько поглощен работой, что даже не поднял головы, когда они вошли. Мадленхватило времени рассмотреть его рослую фигуру и черные с проседью волосы. Очки часовщика состояли из нескольких увеличительных стекол, что делало его похожим на громадную муху. Увидев, чем занят хозяин, Мадлен оторопела. Это был вовсе не кусок металла, а распотрошенный кролик, с которого содрали шкуру, а из располосованного брюха торчали внутренности. Наконец доктор Рейнхарт поднял голову. Он был в перчатках. В правой руке поблескивал скальпель. Мадлен сделала реверанс, казавшийся сейчас совершенно неуместным.

– Отец... – произнесла Вероника и запнулась. – Это Мадлен. *Femme de chambre*, которую ты мне нанял.

Рейнхарт поднял внешние линзы очков, чтобы осмотреть ее, особенно лицо.

– Да. Вот она какая. Заметное увечье.

Мадлен почувствовала, как кровь прилила к щекам. Зачем он упомянул о шраме? А если шрам ему мешает, зачем согласился ее взять?

Часовщик продолжил потрошить кролика. Запах в мастерской был весьма странным. Пахло сырым мясом, каким-то лекарством и уксусом.

– Тебе любопытно знать, зачем я взялся за кролика?

Мадлен не знала, обращается Рейнхарт к ней или к Веронике.

– Серебряный кролик, – продолжил он. – Она заказала мне сделать серебряного кролика.

– Кто, отец?

– Жена маршала де Мирпуа. В Версале намечается бал. Будет обыгрываться все, что связано с лесом. Ей захотелось автомат, чтобы перещеголять гостей. Серебряный кролик, способный прыгать. Ха-ха!

Автомат. Слово с острыми краями, как осколок стекла. Как она сама. Это слово Мадлен слышала впервые. Она обвела глазами мастерскую с несколькими шкафами. Дверцы одного из них были открыты. На полках поблескивали десятки склянок, груды книг и миниатюрная модель человеческого тела.

Доктор Рейнхарт посмотрел на Мадлен сквозь очки:

– Мне нужен еще один кролик. Помоложе. Живой.

– Как вы сказали, местье?

– Живой кролик. Сходи на рынок. Может, сумеешь найти там. Если нет, попроси кого-нибудь мальчишку, пусть поймает мне кролика.

Его голос напоминал скальпель, будучи таким же острым и точным.

Мадлен взглянула на Веронику, но та не увидела в словах отца ничего необычного. Никак она попала в дом умалишенных?

Затем послышался странный звук, словно по полу катился мраморный шарик. Он сменился щелчками, а затем раздался звон. Он нарастал лавиной. Все многочисленные часы в мастерской и соседних комнатах отбивали восемь часов. Рейнхарт с дочерью замерли, дожидаясь, пока смолкнет эта какофония, после чего часовщик продолжил:

– Будешь на рынке, поищи говяжьи языки.

– Для... вашей работы? – спросила Мадлен.

– Для обеда, милая девушка. Обожаю лакомиться говяжьими языками. Эдме тебе скажет, что еще купить. А ты, Вероника, останься. Мне понадобятся твои зоркие глаза. Надень перчатки.

Девушка молча подчинилась, но ее движения были неуверенными. Мадлен могла поклясться, что Вероника нервничает.

Какое блаженство на время покинуть дом с нескончаемым тиканьем и непредсказуемыми хозяевами! Мысли Мадлен были заняты Рейнхартом. Какой же он странный, и странность эта не совсем человеческая. Во всяком случае, такие люди ей прежде не встречались. Но ведь он был ученым, человеком больших знаний, а таких людей в своей жизни она встречала раз-два и обчелся.

С плетеной корзиной в руке Мадлен шла по площади Дофина. Из домов выходили цирюльники, неся в одной руке парики, а в другой – саквояжи. Их одежда была запачкана мукой. Мадлен пошла в сторону Пон-Нёф, пересекла мост, на котором лоточники разворачивали свои товары, и очутилась на улице Монне. Дальнейший ее путь лежал по грязным извилистым улочкам. Постепенно вонь, долетавшая с кладбища Невинных, сменилась запахом древесного угля и начинающей тухнуть рыбы. Это означало, что она подходила к Ле-Алю, самому знаменитому городскому рынку.

Время для прихода сюда было неудачным. Рынок кишел слугами и покупателями. Их ноги месили грязь на шербатых каменных плитах, а глаза смотрели на пирамиды из яиц и ящики с апельсинами. Люди перешагивали через капустные листья, рыбью требуху и мокрую солому, торопясь совершить удачный *bonne affaire*. Среди них толкались разносчики с бочонками кислого вина, ящиками ношеных башмаков, тарелками креветок, крысиным ядом и корзинками с пряностями. Сухопарые, нарумяненные уличные девки, затянутые во взятые напрокат корсеты, отчего их тощие груди казались больше, цеплялись за проходящих мужчин, показывая, что еще продается на рынке. Тут же путались под ногами бродячие собаки. Подойдя к мяснику, Мадлен стала выбирать говяжьи языки, внимательно проверяя, чтобы те были по-настоящему свежими, а не раскрашенными (торговцы нередко это делали, придавая мясу мнимую сочность).

Купив языки, она пошла туда, где торговали живностью. Там в загончиках шипели гуси, бродили цыплята, ища что-то в грязной земле, и громоздились клетки с утками. А где же кролики? Как назло, ни одного. Мадлен помнила: раньше здесь было полно живых кроликов, копошащихся в клетках. Но сегодня ей не повезло. Побродив еще, Мадлен вернулась туда, где видела женщину в грязном лоскутном плаще, сшитом из кусочков ткани и меха. В руках та держала пару зайцев.

– Прошу прощения, мадам. Не подскажете, где тут можно купить живого кролика?

– Живого? – переспросила торговка, пристально поглядев на Мадлен.

– Да.

– Живая игрушка понадобилась?

– Думаю, так. – Мадлен совсем так не думала, но подозревала, что неестественные опыты, о которых говорил Камиль, проводились на живых существах. – Хозяин велел мне купить.

Женщина кивнула:

– Мало богатеям кошек и собак. Ишь, на кроликов потянуло. Ты знаешь, что у мадам де Помпадур, королевской любовницы, есть ручная обезьянка? Сидит у нее на плече и ест ее пищу.

– В самом деле? Я не слышала. Я вас про кроликов спрашивала.

– Ах да. Был тут парень, продавал кроликов. Вот там он стоял. – Она указала на пустующий прилавок. – Сам ловил и приносил на рынок. Но вот уж недели две, как его не видно.

– Может, перебрался на другой рынок?

– Понятия не имею, – равнодушно пожала плечами торговка. – Есть человек на улице Дени. Спроси там. Кстати, а кто твой хозяин?

– Доктор Рейнхарт его зовут. Он часовых дел мастер.

– Знаю я, кто он такой.

Лицо женщины исказилось злобой.

– Что скажете о нем?

– Ты и впрямь ничего не знаешь?

– Я у него только со вчерашнего дня.

– И он уже втравил тебя в свои дьявольские дела. – Женщина ткнула пальцем в Мадлен. – Говорят, он делает такие штуки, которые человеку сделать не под силу. Он маг.

– Нет, он *mécapiçien*⁵, – неуверенно возразила Мадлен. – Часовщик.

Женщина вновь ткнула в нее скрюченным пальцем:

– Штуки, что он варганит... пусть называет их как хочет... ты присмотришься к ним. Без черной магии такого не сделаешь.

Мадлен почти вплотную подошла к торговке. Ее трясло, но не только от холода. Ей стало не по себе.

– Кто вам это сказал? – тихо спросила Мадлен. – Что еще говорят о нем?

– Кто сказал? Многие говорят. А как еще объяснить его дела? Как еще ты заставишь двигаться железки?

Мадлен полегчало. Полезных сведений из этой торговки не выудить. Что взять с глуповатой старухи из предместий?

– Свои штучки он делает из винтиков, колесиков и еще чего-то в этом роде, – сухо сказала Мадлен. – В них такие же механизмы, как в больших и маленьких часах.

Женщина покачала головой:

– Хочешь себе добра – немедленно беги из того дома. Убережешься от беды.

Мадлен столько лет прожила бок о бок с бедой, и сейчас ей представлялась возможность выбраться.

– Спасибо вам за совет, мадам, но я, пожалуй, рискну остаться.

Покинув Ле-Аль, Мадлен отправилась на набережную Мажисери в магазин, некогда принадлежавший ее отцу. Едва войдя туда, она сразу поняла, что допустила ошибку. Пока болезнь не скрутила отца, он очень гордился своим магазином. Регулярно красил стены, поддерживал чистоту и заботился, чтобы живность всегда была в наличии. Он закупал попугаев разных пород, белок и ящерниц, серых обезьян, маленьких козочек и, конечно же, кроликов. Мадлен и Сюжете разрешалось играть с кроликами. Сейчас в магазине было пыльно. Мадлен поморщилась от вони. Хуже всего, что магазин пустовал, если не считать мышей в клетках и щенят в коробках. Те скулили, тоскуя по матерям, и мочились на свои мохнатые лапки.

Владельцем магазина был какой-то пришибленный человек, в пожелтевшем коротком парике и со слезящимися глазами. Мадлен не сказала ему, что прежде магазин принадлежал ее отцу. Да и зачем?

– Месье, у вас есть кролики? – спросила она.

– Кролики? Да, конечно. – Он ушел в заднюю комнату и через минуту вернулся с ящиком, из которого вытащил маленького белого кролика с блестящими красными глазами. – Желаете осмотреть?

Мадлен взяла кролика. Такая мягкая, шелковистая шкурка ей еще не встречалась. Под ладонью быстро билось кроличье сердце. Ей вдруг захотелось отнести зверька младшей сестре, ибо Сюзетта всегда любила кроликов. Одного она держала у себя в комнате, пока его не

⁵ Механик (*фр.*).

загрызла соседская собака... Желание быстро прошло. Сюжетта лежала в могиле, а покойникам кролики не нужны.

– Спасибо, месье. Этот меня вполне устроит, – сказала Мадлен, возвращая кролика в ящик.

Когда она вернулась в дом, доктор Рейнхарт по-прежнему находился в мастерской. Он сидел за бюро у окна и писал в книге. Книга была толстой, в кожаном переплете. Сбоку стояла удивительно реалистичная фигура орла, золотые когти которого ярко сверкали на солнце. Мадлен поднесла ящик с кроликом к хозяину и молча поставила на пол, опасаясь, что в любое мгновение орел оживет. Рейнхарт посмотрел на Мадлен, потом на ящик. Когда она сняла крышку, хозяин улыбнулся:

– Так-так. Наш образчик. – Он вытащил кролика и стал внимательно разглядывать дергающийся нос зверька и подрагивающие усы. – Отлично! – Затем, сообразив, что служанка по-прежнему стоит рядом, добавил: – Все, Мадлен. Можешь ступить.

– Вы... собираетесь делать над ним опыты? – отважилась спросить Мадлен, переминаясь с ноги на ногу.

Не выпуская кролика из рук, Рейнхарт повернулся к ней:

– Видишь ли, Мадлен, чтобы понять жизнь, иногда нужно обращаться к смерти. Они неразрывно связаны друг с другом. Со временем ты поймешь.

Мадлен отправилась заниматься домашними делами и все это время пыталась хотя бы одним глазком взглянуть на то, чем занимается Рейнхарт. Но дверь мастерской оставалась плотно закрытой. Только в три часа пополудни ей представился случай войти к хозяину, принеся ему кофе и миндальный кекс, еще утром испеченный Эдме. Мадлен опасливо вошла с подносом в мастерскую, ожидая увидеть белого кролика располосованным, как и его собрата, с содранной пушистой шкуркой. «Только бы бедняжка умер сразу и не мучился», – думала она, моля Бога, чтобы так и было. Доктор сидел на корточках, с записной книжкой в руке. Он едва заметил вошедшую Мадлен, так как его внимание было устремлено на что-то, чего Мадлен не видела. Она подошла ближе, опустив поднос на стол. Оказалось, что кролик по-прежнему жив и здоров и грызет кромку узорчатого ковра.

– Надо его покормить, – отрывисто произнес Рейнхарт. – Овощами. Может, кашей. Сумеешь это сделать?

– Да, месье.

– И ему нужно соорудить жилище. Клетку или что-то в этом роде. Поищи что-нибудь подходящее.

– Так вы оставите это животное?

– У этого животного есть пол. Это самец. Я решил назвать его Францем.

Жилищем для кролика занялся не кто иной, как лакей Жозеф. Из ящика и проволоочной сетки он соорудил клетку. Мадлен смотрела из окна, как он трудится во дворе: быстро, сноровисто. Чувствовалось, ему уже приходилось заниматься подобными делами. Со времени появления в доме часовщика Мадлен едва перекинулась с Жозефом парой фраз. Дружбы со слугами лучше не водить. И потом, в Жозефе было что-то настораживающее. Но в то же время ей требовалось поскорее узнать об особенностях Рейнхарта. Жозефу наверняка было многое известно о хозяине. Надо выспросить.

Взяв белье для полоскания, Мадлен спустилась во двор.

– Хозяин прежде уже держал кроликов? – спросила она, наполнив корыто водой.

– Кроликов не держал, – ответил Жозеф, мельком взглянув на нее. – Гуси были.

Лакей продолжал стучать молотком.

– Чтобы яйца несли?

– Золотые яйца. В прошлом году хозяин сделал гусыню, которая несла золотые яйца.

Мадлен улыбнулась. Она не собиралась улыбаться, это вышло само собой. Жозеф последовал ее примеру, и на его щеках появились ямочки.

– Жаль, я не видела той гусыни.

– Да, знатная была вещица. Пришлось купить троих, чтобы выбрать подходящую. Летучую мышь в шкафу видела? Для нее тоже поймали нескольких. Так будет и с кроликом.

Рассказывая, Жозеф успевал стучать молотком.

– Хозяин делал над ними опыты?

– Да. Сначала наблюдал, как они двигаются, затем потрошил. Это чтобы понять внутреннее устройство. Нужные части тел он потом помещает в банку и заливает особым раствором.

Мадлен вспомнила хрупкий скелет летучей мыши и глаза, которые она видела в одной из банок.

– Точно, – сказала она.

– Хозяину важно знать, как двигаются настоящие звери и птицы. Это ему нужно, чтобы делать механические.

– Автоматы? – спросила Мадлен, привыкая к незнакомому слову.

– Да, автоматы. Так хозяин называет машины, которые двигаются сами собой.

– А как они двигаются?

Мадлен вспомнилась женщина в лоскутном плаще, говорившая про черную магию.

– С помощью винтиков, цепочек и шестеренок. Доктор Рейнхарт – очень умный человек. – Жозеф выпрямился, оглядывая готовую работу. – Ну вот. Думаю, кролику понравится.

– Отличная клетка. Смотрю, ты умеешь мастерить.

– Раб, который умеет делать клетки.

Ее улыбка погасла. Вот чем закончилась попытка завязать разговор.

– Я не думала, что ты...

Жозеф пожал плечами:

– Я здесь свободен, как и любой слуга. Но по закону я остаюсь рабом, которого можно купить или продать.

Собрав инструменты, он ушел, оставив Мадлен смотреть на клетку и думать о том, осталось ли в Париже хоть что-то, чего нельзя купить за соответствующие деньги.

* * *

К вечеру Мадлен выбилась из сил. Она устала от непривычного уклада дома и нескончаемых домашних дел, а также от необходимости играть роль, что добавляло напряжения. Но спать нельзя, нужно выполнить задуманное и проникнуть в мастерскую. Мадлен дождалась, пока в доме все уснут. Из соседней комнаты доносился негромкий храп Эдме. Мадлен подождала еще немного. Что-то поскрипывало и постукивало. Обычные звуки, какие ночью услышишь в каждом доме. Тогда, взяв огарок свечи, Мадлен спустилась вниз. Ее босые ноги бесшумно ступали по натертым полам. Подойдя к двери мастерской, она остановилась, потом нажала ручку. Дверь была незапертой.

Внутри пахло бычьей желчью, которой очищали полы. Чтобы отбить резкий запах, туда добавляли спирт. Единственным звуком было медленное тиканье больших настольных часов. Уняв дрожь в руке, Мадлен зажгла от свечки принесенный потайной фонарь и стала переходить от шкафа к шкафу. Она едва дышала. Сердце учащенно билось. Фонарь выхватывал из темноты диковины, притаившиеся на полках: маленький череп, бутылочки с неизвестными снадобьями, поднос с разноцветными стеклянными глазами. Один ящик был полон лакированных человеческих костей.

Считать ли найденное признаком необычности опытов доктора Рейнхарта? Или такое отыщется у каждого анатома, в чьих шкафах и ящиках тоже хранятся глазные яблоки и кости? И как, черт побери, ей отличить естественное от неестественного?! Ей все увиденное казалось неестественным и ненормальным.

Открыв бюро, Мадлен стала рыться в письмах и записных книжках Рейнхарта. Она вытаскивала бумагу за бумагой, вчитываясь и пытаясь найти что-то, что даст ей ключ к характеру этого человека, а также сведения, способные заинтересовать Камиля. Ей попался счет от золотых дел мастера, счета от других торговцев, перечень каких-то инструментов, чертеж механизма и рисунок сооружения, напоминавшего клетку. Ничего важного и примечательного. Но опять-таки она толком не знала, что искать. Мадлен быстро вернула бумаги на место и занялась ящиками бюро. Там она нашла письмо от некоего Ламетри. Он писал Рейнхарту о своих открытиях, сделанных в Лейдене, о теориях, касавшихся животных и человеческой души. Поля листа были покрыты совершенно непонятными Мадлен рисунками. Порывшись несколько минут, она так и не нашла ничего ценного. Если Рейнхарт и проводил странные опыты, записи по ним он держал в другом месте.

Прежде чем уйти, Мадлен прошла в дальний конец мастерской, туда, где за рабочим столом и скамьями стояли шкафы. В полумраке ей были видны лишь серебристые очертания предметов. Ее внимание сразу же привлек длинный прямоугольный ящик, покрашенный в черный цвет. Казалось, ящик сделан из оникса. Его поверхность зловеще поблескивала.

Будь у нее побольше времени, Мадлен бы поддавалась сомнениям – открывать или нет. Но сейчас, когда в любой момент сюда могли войти, она подняла крышку и прислонила к стене. В колеблющемся пламени свечи, вставленной в фонарь, Мадлен увидела лежащую девушку, чьи темные волосы разметались по плечам. Лицо было белым как мел, глаза открыты. Девушка была мертва.

Мадлен почувствовала, как внутри, словно желчь, поднимается паника. «Он может быть опасен», – предупреждал ее Камиль. Но Бог свидетель, увидеть такое она никак не ожидала. Перед ней лежит совсем молоденькая девушка, красивая и явно невинная. Однако трупного запаха не было, равно как и запаха крови. Что-то предохраняло тело девушки от разложения, как бывает с бальзамированными телами святых, уложенных в стеклянные гробы. По жилам Мадлен разливался ужас. Она мысленно приказала себе собраться и поднесла фонарь еще ближе. Теперь пламя освещало девичье лицо под другим углом, отчего Мадлен сразу поняла: у этой девушки какая-то странная кожа. Приглядевшись, она поняла, что видит совсем не кожу.

Мадлен заморгала. И вдруг все встало на свои места. Перед ней лежала кукла.

Она поднесла фонарь еще ближе и склонилась над куклой. Глаза у той блеснули как настоящие, но были стеклянными. Придать такой блеск телу мог только воск. Поднимая фонарь то выше, то ниже, Мадлен убедилась: это отнюдь не просто кукла. Ничего похожего на грубые восковые куклы, которые она видела в шатрах странствующих балаганщиков. Эта кукла была ужасающе совершенной. Каждая черточка, каждый изгиб отличались точностью и правдоподобием. Вглядевшись пристальнее, Мадлен заметила тонкие прожилки на груди и розовый сосок. Она вздрогнула. До чего же реальна эта кукла, до чего похожа на живого человека! Пламя свечи отклонилось, и Мадлен показалось, будто кукла шевельнулась. Мадлен поспешно закрыла ящик.

Стараясь успокоить дыхание, она все вернула в первоначальное положение, вновь зажгла огарок, погасила фонарь и тихо выбралась из мастерской, закрыв дверь. Мадлен почувствовала облегчение, но тревожное чувство сохранялось. Пока она не нашла никаких признаков извращенных опытов, ничего такого, что позволило бы обвинить Рейнхарта в незаконных действиях. Но сейчас ее не покидало ощущение, появившееся в самый первый день, когда Агата водила ее по дому. Тогда ей показалось, будто что-то притаилось и наблюдает. В холле она отчетливо

почувствовала, что за ней следят. Но ее окружали лишь бесстрастные циферблаты часов. Они смотрели, как Мадлен торопится к лестнице, чтобы поскорее подняться в свою комнатенку.

Глава 4

Вероника

Быстрее, еще быстрее. Времени совсем не остается. Вероника бежала по клуатрам, едва замечая их каменные стены. Ночной воздух был темным и холодным. Нужно достичь sklepa раньше, чем ударит колокол. Но тело отказывалось двигаться с нужной Веронике скоростью. Казалось, оно движется не в воздухе, а в воде. Ей хотелось крикнуть, что она уже здесь и спешит изо всех сил. Но рот превратился в зияющую пропасть, откуда не вырывалось ни звука. Она толкнула дверь кельи, и тут раздался громкий, скорбный звук монастырского колокола. Вероника поняла, что опоздала.

Она открыла глаза. Звонили все десять колоколов Нотр-Дама, наполняя воздух морем звуков. Спальня купалась в жемчужно-сером утреннем свете. Тело Вероники было мокрым от пота. Звон и крики из ее сна сменились нарастающими звуками пробудившегося города: по узкой улице громыхали телеги, со стороны Сены слышались голоса гребцов, лязгали колеса ручных тележек, в магазинах открывали ставни, где-то выливали воду. Париж – место десяти тысяч душ – уже проснулся и принялся за работу.

Вероника лежала на боку, подтянув колени к груди. Она дома. В безопасности. Больше не надо подниматься в полусонном состоянии к заутрене, преклонять колени на холодном полу и опускать голову, ловя на себе неодобрительный взгляд сестры Сесиль. И на завтрак она теперь ест не жиденькую холодную кашу, а теплые хлебцы со свежим маслом и чашкой густого горячего шоколада. Однако ее снедало беспокойство. В монастыре она хотя бы знала, чего от нее ждут. Здесь все оставалось туманным.

Всего две недели назад Вероника вернулась домой, и отец начал ее долгожданное обучение. Каждое утро он занимался с ней анатомией, физиологией, рисованием и механикой. Показывал работу своих автоматов, рассказывал, как они устроены, а потом проверял, насколько она усвоила урок. Вероника училась по богато иллюстрированным книгам с золотыми и серебряными корешками. Она перерисовывала иллюстрации, помечала части тел, запоминая каждое сухожилие, кость и вену, чтобы затем отчитаться перед отцом. Серые рисунки и серебряные переплеты начали проникать в ее сны. Ей снились движущиеся анатомированные мужчины, разрезанные женщины с открытыми глазами и пустым чревом.

Вероника взяла с тумбочки потертый экземпляр книги «Автоматы и механические игрушки» и снова нырнула под одеяло. Она листала замусоленные страницы, пока не добралась до той, где был изображен механический Христос и ухмыляющийся заводной дьявол с высунутым черным языком. Эту книгу отец подарил ей десять лет назад, перед отправкой в школу при монастыре Сен-Жюстен.

– Там о тебе позаботятся гораздо лучше, чем я, – заявил отец с беспочвенной самоуверенностью, свойственной взрослым.

Перед глазами замелькали картины прошлого. Вероника вспоминала, как собиралась, увязывая свои книги и кукол. Потом была ночная поездка. В монастырь ее привезли на рассвете. Он помещался в средневековой крепости, чьи каменные стены сурово глядели в серое утреннее небо. За монастырским порогом ее встретила полная тишина. Ни криков, ни скрипа колес, ни тиканья часов. Только тихое пощелкивание четок и шарканье ног по каменному полу.

Их встретила преподобная мать аббатиса. У нее было обрюзгшее улыбающееся лицо, похожее на рыбу плотью, втиснутую в апостольник.

– Добро пожаловать, дочь моя. Мы рады, что ты влилась в наши ряды. Я вручаю тебя мудрому водительству нашей воспитательницы, заботящейся обо всех воспитанницах. Познакомься с сестрой Сесиль.

Вперед вышла другая женщина: повыше ростом, сухопарая, с глазами острыми, как кремь. Она протянула Веронике костлявую руку.

– Вероника, будь смелой девочкой, – прошептал отец, когда она не сдвинулась с места.

Он легонько толкнул ее к воспитательнице. Ощувив длинные холодные пальцы женщины, Вероника подумала, что смелость ей очень понадобится. Только так можно выжить в этом месте.

– Мы учим их смирению, – услышала Вероника слова аббатисы, обращенные к отцу. – Через доброту, сострадание и любовь мы учим их идти по правильным стезям.

Но рука сестры Сесиль, уводящей Веронику от отца, вовсе не была доброй. Лицо воспитательницы не излучало любви. Она провела девочку по лестнице, затем по коридору, открыв дверь дортуара – длинной комнаты, где Веронике теперь придется спать вместе с другими воспитанницами.

– Вот твоя кровать.

Сестра Сесиль указала на последнюю в ряду из двадцати кроватей, поставленных вдоль стены, как в больнице или морге. Воспитанницы еще спали. Каждая кровать имела табличку с именем. Такая же была и на кровати Вероники, но пустая. На табличке соседней кровати значилось: «Клементина». Вероника опустила сундучок на изножье кровати и вдруг увидела, что Клементина не спит. Девочка лежала тихо, но ее карие глаза сверкали.

Услышав шаги снаружи, Вероника выглянула из окна и увидела отца, возвращающегося к карете. Она не заплакала, а с холодным пониманием смотрела, как карета тронулась.

Палец Вероники скользил по изображению древа Теофила, изготовленного из позолоченной бронзы. На ветвях сидели заводные птицы. Далеко от дома и всех, кого она знала, вдали от привычного мира книга об автоматах стала не только занимательным чтением, но еще другом и проводником. Дедал со своими дышащими статуями, царь Алкиной с его золотыми и серебряными сторожевыми псами – все они были вратами в мир, лежащий за стенами монастыря, проблеском магии за пределами холодного дортуара. Они заглушали кислый запах трапезной, разгоняли скуку непрестанных молитв. Вероника понимала: многие монахини нашли здесь пристанище. Их жизнь в миру была суровее, беднее и опаснее. Но для ребенка монастырь являлся совсем неподходящим местом, особенно для такого ребенка, как она, не привыкшего к обществу других детей и к мысли об обуздании полета ума. Помимо Клементины единственными друзьями девочки были золотые птицы и серебряные заводные мыши из ее воображения. Потянулись недели и месяцы монастырской жизни. Вероника твердо решила: она тоже будет делать вещи, изображенные в книге; существа, способные двигаться, летать и восхищать других. Она создаст свою механическую вселенную.

Отец писал Веронике раз в две недели. В письмах не было ни слова о его парижской жизни. Он рассказывал об автоматах минувших веков и о машинах, которые собирался изготовить сам. Посылал дочери рисунки и описания замыслов, над которыми работал: механической совы, движущейся руки и отряда маленьких барабанщиков. Отец регулярно присылал ей загадки и всевозможные головоломки, требуя найти ответ. В одинокой, а порой пугающей атмосфере монастыря отцовские письма были спасительным канатом.

Когда Вероника подросла, отец стал посылать ей более сложные книги, требуя, чтобы их непременно передали дочери. Это были книги по часовому делу и механике, а также анатомические атласы. Отец велел Веронике срисовывать оттуда, что поможет ей понять строение человеческого тела. Книги изобиловали схемами, планами и чертежами. Глядя на голые, безволосые фигуры, соученицы Вероники только хихикали, но она видела в анатомических рисунках совсем другое – возможность выбраться из этой гробницы с каменными стенами. Она

усердно трудилась, повторяя рисунки до тех пор, пока они не совпадали с оригиналом. В то время как ее соученицы упражнялись в игре на рояле и шили, она изучала каждую часть тела, каждую мышцу и жилку. Вчитывалась в статьи, присылаемые отцом, и его пояснения. Латынь и греческий она знала лучше других учениц, поскольку для нее эти языки были живыми языками науки и анатомии.

– Старайся изучить как можно больше, – говорил отец, приезжая ее навестить. – Когда тебе исполнится семнадцать и если позволят обстоятельства, я сам займусь твоим образованием.

У сестры Сесиль отцовская идея вызывала презрительную усмешку.

– Воспитанницы нашей школы выходят замуж либо становятся монахинями. Думаешь, ты отличаешься от других? Считаешь себя особенной, не похожей на всех?

«Да», – мысленно отвечала Вероника, поскольку хорошо знала: в ней есть что-то, чего не было в других девочках.

– Твой отец поступит так, как поступают все отцы. Или он выдаст тебя замуж, или ты вернешься в монастырь послушницей.

«Не будет ни того ни другого, – твердила себе Вероника. – Я сумею убедить отца в своей полезности ему. И еще потому, что мой отец отличается от прочих». Более того, она не собиралась сюда возвращаться. Никто не заставит ее принять постриг и облачиться в монашеское одеяние. Одно дело, когда кто-то добровольно выбирал такую жизнь, и совсем другое, когда монастырские стены превращались в тюрьму. Вероника знала, какая участь ждет тех, кто оказывался запертым в монастыре против воли, в качестве наказания или по необходимости. Она каждый день видела это по лицу сестры Сесиль. «Прости нам прегрешения наши, – думала Вероника, – ибо порой они заслуженны».

Она надеялась, что отец сам приедет за ней, но он послал Эдме, от которой у нее остались смутные детские воспоминания, полные восторга. За эти годы повзрослевшая Эдма наполнила, лицо ее стало еще суровее. Глядя на повзрослевшую Веронику, Эдме не знала, о чем говорить с хозяйской дочерью. Они ехали молча и достигли Парижа еще до наступления темноты. Внешне Вероника оставалась спокойной, но ее неприятно будоражили звуки города: лай собак, крики людей, звон колоколов сотни церквей, шелканье кнутов и лошадиное ржание. Она морщилась от едкого запаха пота и немых тел, вони дубильных мастерских, гнилой рыбы, прокисшего пива и запекшейся крови. Но сильнее всего ее ужасали нищие с исхудавшими лицами, искалеченными войной телами и жалкими лохмотьями. Они бежали за каретами, сидели, скрючившись, в подъездах, протягивая руки за любой едой. Вероника не помнила Париж таким. Она чувствовала себя чужой.

Никто не устроил ей теплой встречи. Никаких крепких объятий и радостных слез. Такое было не в характере ее отца, да и не в ее собственном. «Мы привыкнем друг к другу, – твердила она себе. – Вскоре все станет ясно».

Шаги в коридоре. Это идет горничная, чтобы одеть ее и сделать утренний туалет. Странная особа. Двигается как заводная, словно давным-давно распростилась с настоящей жизнью. Вероника захлопнула книгу об автоматах. В этот момент дверь со скрипом открылась.

– Вы сегодня рано проснулись, мадемуазель.

– Дурные сны снились.

Мадлен молча выслушала ее ответ, начав выставлять на стол принесенный завтрак. Вероника надеялась, что горничная станет ей кем-то вроде компаньонки и поможет ориентироваться в лабиринте парижской жизни, но пока эта женщина оставалась закрытой шкатулкой. Тупицей эту Мадлен не назовешь. Умные серые глаза, волосы медного цвета, почти целиком убранные под чепец. И этот пугающий шрам на лице. Почему отец выбрал ей в горничные женщину со шрамом? Но Вероника не знала, что считается нормальным в этом странном городе,

где блеск соседствует с нищетой, где даже в манере произнесения слов столько жесткости и злобы и где никто не говорит то, что думает.

А она будет говорить то, что думает. Собиралась спросить и спросит. Глядя, как горничная наливает из фарфорового кувшинчика сливки, Вероника сказала:

– Мадлен, что случилось с твоим лицом? Откуда у тебя этот шрам?

Горничная медленно выпрямилась, глядя в пол. На мгновение Веронике показалось, что ответа она не получит.

– Я упала, мадемуазель. Давно, в детстве. Играла возле топящегося камина, поскользнулась и упала лицом прямо на горячие щипцы. Мама сразу же окунула мое лицо в холодную воду, но шрам остался.

Да. Вероника сама видела след, оставленный горячим металлом на коже Мадлен; шрам со слегка выступающими краями. Однако что-то в объяснении Мадлен показалось ей не совсем правдивым. Веронике вспомнилась белая спина Клементины с красными рубцами.

– Прости меня, – сказала она горничной. – Мне не стоило спрашивать. Но меня обуяло любопытство.

Мадлен наконец встретила с ней глазами. «А у нее красивые глаза, – подумала Вероника. – Такой глубокий серый цвет, как у агата».

– Ничего страшного, – бесстрастным тоном ответила Мадлен. – Думаю, многим любопытно. Но не всем хватает смелости спросить. Вы желаете завтракать здесь или спуститесь в комнату для завтраков?

– Спущусь туда. Помоги мне одеться.

Пока горничная помогала ей сменить ночную сорочку на нижнюю юбку и платье, Вероника почувствовала, что напряжение между ними частично рассеялось. Она вдруг поняла: Мадлен ждала этого момента, знала, что хозяйка спросит, а потому заранее и тщательно подготовила ответ, как всякий, кто собирается произнести речь.

* * *

После завтрака Вероника взяла Франца и отправилась в отцовскую мастерскую. Подойдя к двери, она услышала металлический стук. Он повторился еще несколько раз. Затем дверь мастерской открылась, и оттуда появился удивительный механический кролик с шевелящимися ушами. Тот самый, над которым трудился отец, но теперь разрозненные куски металла, составлявшие тело кролика, были соединены надлежащим образом, а кролик производил впечатление живого. Он прыгал. Его лапы из стали и серебра чудесным образом сгибались. Рубиновые глаза сверкали. Кролик допрыгал до начала лестницы, снова шевельнул ушами, но уже медленнее, после чего остановился.

Вероника на мгновение замерла. Ее сердце громко колотилось. Потом она потянулась к механическому кролику.

– Не трогай его!

Из мастерской вышел доктор Рейнхарт. Он был в кожаных перчатках. Подойдя к кролику, он нагнулся, внимательно разглядывая свое произведение и морща брови.

– Я рассчитывал, что он будет прыгать дольше. Надо подрегулировать механизм. – Доктор перевел взгляд на дочь. – Ты удивлена? Не думала, что у меня получится?

– Нет, совсем не это. Просто... – Она опустила Франца рядом с его металлическим собратом. – Твой кролик скачет совсем как Франц. И в то же время есть заметные отличия.

– Так оно и есть, – кивнул отец. – Потому-то ты и должна работать с настоящими животными. Наблюдать за ними, изучать каждое движение, улавливать суть. По этой причине мы должны наблюдать мир во всех подробностях и воссоздавать его. Понимаешь?

– Да.

Это она понимала. Неясным оставалось, почему в таком случае отец десять лет продержал ее вдали от мира и мирских чудес.

– Однако мой кролик еще далек от завершения. Нужны дальнейшие опыты. Бери Франца, и ты увидишь, как я буду с ним работать. Твоими уроками мы займемся после полудня.

И снова, как все эти две недели, Вероника два часа подряд наблюдала за удивительной работой отца. Он что-то подтачивал надфилями, паял, клепал и соединял болтами, добиваясь, чтобы каждая часть механизма двигалась со всей необходимой точностью. Ему приходилось работать с миниатюрными деталями вроде крошечных серебряных винтиков, которые он просеивал через сито, выбирая нужные. Медные шестеренки размером не превышали блоху. Отец постоянно ей что-то показывал и задавал вопросы, проверяя, внимательно ли она следит за его работой.

– Видишь? Вникаешь? Понимаешь? Я добиваюсь, чтобы механизм работал как организм настоящего кролика.

Порой Веронике казалось, что отец смотрит на нее как на лабораторную крысу, наблюдая за ее поведением. До сих пор он не выражал недовольства и не говорил сердитых слов, однако она постоянно чувствовала на себе пристальный отцовский взгляд и тревожилась, что не оправдывает его высоких ожиданий. Вдруг и она, подобно серебряному кролику, работала не так, как надлежит?

Хотя ей было трудно признаться себе самой, отец вовсе не являлся героем, которого она создала в своем воображении. Того Вероника годами собирала по частям... Хирург, когда-то доставший ее из материнского чрева; отец, сделавший ей движущуюся обезьянку; учитель, в течение унылых монастырских лет поддерживающий в ней жизнь своими письмами, историями и рисунками; изобретатель, просветитель, создатель. Однако в жизни отец зачастую был непостижимым и отстраненным. Вероника не помнила, чтобы он хотя бы раз ее приласкал; он редко спрашивал, как дела. Отцовское внимание было поглощено его творениями. Заводя с ней разговор, отец не расспрашивал ее о годах, проведенных в монастыре (за что она была ему благодарна) и не рассказывал о своей парижской жизни. Нет, его беседы с ней касались философских и научных предметов: можно ли оживить мертвую материю, является ли душа частью тела и возможно ли изменить течение крови в человеческом теле.

В этот момент послышались удары дверного молотка – редкие звуки в доме, где не бывало гостей. Вскоре явился Жозеф и доложил:

– Клод Николя Лефевр.

– Немедленно проводи его сюда! – коротко распорядился Рейнхарт.

Лефевр. Эту фамилию Вероника хорошо знала. Отец писал о нем в своих письмах и упоминал во время уроков, говоря о Лефевре почти что с теплотой. Как необычно! Вероника не помнила, чтобы отец кем-либо восхищался. Большинство приходящих к ним домой были ремесленники, приносящие необходимые отцу инструменты и приспособления. Иногда появлялся золотых дел мастер – щуплый человек, умевший делать настоящие чудеса. Его золотые птички и серебряные жуки были настолько реалистичны, что казались живыми существами. Доктор Рейнхарт ни разу не похвалил златокузнеца за работу. Выполненные заказы либо соответствовали отцовским требованиям, либо нет. Однако о Лефевре он отзывался с восхищением.

– Оригинальный мыслитель, – говорил Рейнхарт дочери. – Врач, не пасующий перед прецедентами и условностями. В высшей степени устремленный, готовый идти на риск.

Вероника ожидала увидеть сурового немолодого человека с морщинистым лицом. Но посетитель, шедший по коридору, тут же разрушил ее мысленный образ. В нем не было ни капли суровости. Ее поразили неряшливый вид Лефевра. Он был розовощеким, с кривыми ногами в бархатных панталонах и круглым животом, выпирающим из-под камзола травяни-

стого цвета. Парик мужчина снял и запихнул в карман камзола, откуда тот выглядывал, словно прячущаяся мышь.

– Рейнхарт, – густым голосом произнес гость, – а вы просто негодник. Скрыли от меня возвращение вашей прекрасной дочери. – Лефевр поклонился Веронике, затем улыбнулся, отчего его блестящие черные глазки почти утонули в складках лица. – С возвращением, мадемуазель Рейнхарт. Я знал тебя еще совсем маленькой, хотя ты явно не помнишь моей изможденной старческой физиономии. Рейнхарт на столько лет отлучил тебя от мира.

– Вы прекрасно знали, что нынешней зимой Вероника возвращается домой, – невозмутимо произнес Рейнхарт.

– Знал ли? – Лефевр почесал голову. – Я становлюсь забывчивым. Слишком много замыслов. От пациентов нет отбоя. Добавьте к этому множество неразумных требований.

– Как ваш ученик?

– Пытливый, порывистый. Но держу пари, не такой смысленый, как ваша дочь. – Он вновь улыбнулся Веронике и вскинул кустистые брови, глядя на кроликов. – А это кто такие? Новые друзья?

– Делаю очередную игрушку для двора, – пояснил Рейнхарт.

Лефевр усмехнулся:

– В один прекрасный день, Макс, вы получите интересное задание, а не очередной заказ на движущееся украшение.

Рейнхарт с легким раздражением посмотрел на гостя:

– Я не считаю свои изделия украшениями. Они для меня – способ познания жизни. Идемте в мастерскую! Вероника поможет мне их улучшить.

– Говорите, поможет?

Рейнхарт шел первым, держа в руках механического кролика. Вероника несла Франца. Лефевр шел с ней рядом.

– Получается, мадемуазель, отец обучает тебя своим премудростям?

– Да. Всему, что требуется знать и уметь создателю автоматов.

– Неужели? Уверен, твое обучение движется галопом!

– Мне еще многое предстоит узнать, – глядя в пол, ответила Вероника.

– Конечно, конечно. – (Они подошли к двери мастерской.) – Рейнхарт, чему вы обучаете дочь?

– Анатомии, физиологии, часовому делу.

– Вы бы позволили мне преподавать ей анатомию? Могу побиться об заклад: вы непревзойденный механик, но никудышный учитель.

– Я так не думаю, – хмуро ответил Рейнхарт. – И потом, откуда у вас найдется время? Вы же заняты своими исследованиями и даете уроки королю.

– Месье, вы учите короля?

Ее изумление вызвало у Лефевра улыбку.

– Конечно, я выгляжу совсем не как королевский наставник, но так оно и есть, дорогая: я даю его величеству уроки в Версале. Это его недавний каприз, и кто я такой, чтобы отказываться? Я усматриваю в этом путь к другим переменам.

– И чему именно вы обучаете короля?

– Короля очень интересует, как работает человеческий организм, а также принципы действия часов и прочих инструментов. Знаете, Рейнхарт, я порекомендовал королю как-нибудь побывать в вашей мастерской и посмотреть на вас за работой. Не сомневаюсь, он будет очарован вашими созданиями. Сейчас его особенно занимает то, как человеческое тело движется и воспроизводит себя. Я говорил с ним об электричестве и способности электричества стимулировать сокращение мышц у животных.

– Надеюсь, вы не дадите ему упражняться на живых экземплярах? – спросил Рейнхарт.

– Нет, конечно. Он делает опыты преимущественно на мертвых лягушках. На углях. Иногда на кошках. Словом, на всех умерших обитателях его зверинца. На прошлой неделе это была мангуста. А еще мы постоянно пытаемся оживить его любимых цыплят. Они, знаешь ли, иногда падают с крыши, – с усмешкой сообщил Веронике Лефевр, – и это ужасно огорчает короля. Или цыплята становятся добычей его многочисленных собак.

– Но почему король держит цыплят на крыше? – подавляя улыбку, спросила Вероника.

– Наверное, чтобы уберечь их от собак.

– И как же король намеревается всех их оживить? – спросил Рейнхарт.

– У него есть некоторые идеи, но они... весьма туманны. Видите ли, королю угодно быть настоящим ученым, человеком просвещенным и изобретательным. Он считает это своим путем к величию, о котором не всегда можно говорить. А пока мы покупаем новые партии цыплят. – Лефевр подмигнул Веронике. – Как проходила твоя учеба в монастыре? Думаю, там не слишком интересовались анатомией.

Веронике вспомнилось тело Христа, изображенное с анатомической безупречностью, кровь, струящуюся из правого бока, лоб, исколотый терновым венцом.

– Месье, я очень рада, что вернулась домой, – сказала она, печально улыбнувшись Лефевру.

Он задумчиво посмотрел на девушку:

– И мы рады твоему возвращению. Рейнхарт, будьте любезны, распорядитесь, чтобы нам подали подогретого вина. Я насквозь продрог.

– Сейчас распоряжусь. А потом мы поговорим о делах, которые требуется обсудить.

Мужчины переглянулись. Очевидно, было то, о чем отец ей не говорил и говорить не собирался. Ничего, она сама узнает. Когда растешь и рядом нет взрослых, способных надежно тебя защитить, ты вырастаешь наблюдательной, смысленной и изобретательной.

– Вероника, попроси служанку принести нам вина и печенья. Затем возьми за сочинения Уильяма Гарвея, которые я тебе дал. Позднее мы с тобой поговорим о них.

– Вынуждена вас покинуть, месье, – сказала Лефевру Вероника, сделав реверанс.

– Рад снова тебя видеть, мадемуазель. Надеюсь убедить твоего отца, чтобы позволил помогать тебе в учебе. Знаешь, – он понизил голос, – с твоего позволения, я бы порекомендовал тебе начать не с Гарвея, а с Лизера. Его объяснения понятнее, да и иллюстрации подробнее. Он отличается лучшим пониманием искры жизни. Рейнхарт, подскажите, пожалуйста, где у вас тут «*Bibliotheca Anatomica*»?⁶

Рейнхарт сердито посмотрел на него, потом указал на полки за спиной:

– Третий ряд снизу. Посередине.

Лефевр повел мясистым пальцем по корешкам и остановился на книге в зеленом переплете, украшенном серебряным тиснением. Он вытащил книгу, нашел нужное место и заложил ленточкой, после чего подал том Веронике:

– Начни отсюда. Твоему отцу стоило бы сделать это самому, но он забывает, что не все обладают его знаниями. Уверен, дело у тебя пойдет гораздо лучше, чем ты думаешь.

Попросив Мадлен подать угощение, Вероника поднялась к себе и взялась за чтение рекомендованной Лефевром книги. Лучи утреннего солнца лились из окна на пожелтевшие страницы. Там были изображены внутренние органы женщины, включая матку, разрезанную надвое. Вероника пыталась сосредоточиться на пояснительных фразах, но мысли уводили ее к матери, для которой роды закончились смертью. Единственным напоминанием о материнской жизни был потемневший портрет женщины с серьезным лицом, висевший в комнате Вероники, а также несколько оставшихся книг, на обложке которых было мелким изящным почерком

⁶ Это наиболее полное собрание анатомических трактатов на латинском языке, выпущенных в XVII в.

написано: «Онорина Элизабет Рейнхарт». Мать умерла в девятнадцать лет, будучи немногим старше, чем Вероника сейчас. Была ли жизнь матери счастливее, чем жизнь Вероники? Относятся ли к ней муж с большим теплом, чем к своей единственной дочери? Иногда Вероника задавалась вопросом: не от матери ли она унаследовала темный гнев, что порой поднимался у нее изнутри, – гнев на весь мир и саму себя? Поговорить об этом с отцом она не могла, ибо не осмеливалась перепрыгнуть через обширную пропасть, существовавшую между ними. Эту пропасть она осязала почти физически.

Сколько Вероника ни пыталась, чтение не шло. Она закрыла книгу, сняла туфли и на цыпочках пробралась к двери отцовской мастерской. Кажется, там обсуждали какую-то книгу, которую читал Лефевр.

– Думаю, он приводит вполне убедительные доводы, что жизнь является движущей физической силой, почти поддающейся измерению. Расцвет и угасание жизни подчиняются очень точным законам.

– Разумеется, мы можем это измерить. Я не вижу здесь ничего нового.

– Быть может, для вас, Макс, но признание жизни физической силой, подобной другим силам, – для многих это огромный шаг вперед. Чувствую: за этим будущее. Я собираюсь сделать эту теорию стержнем своих исследований.

Отец и гость продолжали говорить в том же духе. Вероника заскучала. Ее мысли блуждали. Она уже собиралась вернуться к себе, как вдруг услышала:

– Начнем с того, Клод, что ваши воззрения решительно устарели. В парижских салонах полным-полно женщин, рассуждающих о науке.

– Но в лабораториях по-прежнему одни мужчины. Макс, мне кажется, вы превратно меня понимаете. Я целиком за то, чтобы девушка получала образование. Как помните, я брался ей помогать. – (Вероника приблизилась к двери.) – Нет, нет, – дружелюбно, но твердо возражал Лефевр. – Я совсем не об этом, Макс. Я всего лишь спросил, каким вам видится ее будущее. Вы же не намереваетесь всю жизнь держать ее подле себя. К тому же она явно не сможет пойти по вашим стопам и учиться в заведениях, с которыми вы поддерживаете тесные связи. Девушкам свойственно превращаться в женщин и выходить замуж.

Веронике показалось, будто у нее в животе лежит холодный камень. Это почему она не может идти по стопам отца? Конечно, ей невозможно учиться там, куда принимают только мужчин, но у нее под боком лучший учитель, каких знает мир. Ответ отца звучал невнятно, и она подошла еще ближе.

– Клод, мне знакомы требования и ожидания общества. Я не настолько отгорожен от внешнего мира.

– Иногда я в этом сомневаюсь. Вероника молода, хороша собой, жизнерадостна. Вам следовало бы найти ей достойную пару.

– Ей всего семнадцать. У меня нет желания выдавать ее за какого-нибудь придворного бахвала. Пусть уж лучше возвращается в монастырь, чем это.

У Вероники перехватило дыхание. Нет, лучше что угодно, только не монастырь.

– Но разве она не заслуживает права хотя бы знать о том, каким вам видится ее будущее? Полагаю, она думает, что вы собираетесь сделать ее своей ученицей, чего не может быть. По крайней мере, в общепринятом смысле. Она не сможет самостоятельно принимать заказы и делать автоматы. Так зачем учить ее всем премудростям вашего ремесла?

Ответа не последовало, или же отец ответил тихо, и Вероника не услышала. Прав ли Лефевр? Внутри зашевелился страх. А вдруг, несмотря на все ее старания и усердие, она не сможет стать ученицей отца и в дальнейшем работать самостоятельно? Каким тогда окажется ее будущее? В таком случае зачем отец забрал ее из монастыря, зачем сказал, что станет ее обучать?

Дальнейшего разговора Вероника не слышала, поскольку отец с гостем перешли в другую часть мастерской, но через какое-то время до ее ушей донеслись отцовские слова:

– У нее есть великолепные задатки, но только время покажет. Все зависит от того, как она будет проходить испытания и выполнять задания, которые я буду ей давать. А теперь скажите, что вы думаете о движениях этого кролика. Можно ли здесь еще что-то улучшить?

Вероника попятилась назад, чувствуя бешено бьющееся в груди сердце. А вдруг она не справится с отцовскими заданиями? Что тогда? Отец выдаст ее за какого-нибудь престарелого графа, отправив с глаз долой, словно негодную игрушку? Или, того хуже, вернет в монастырь и заставит против ее воли стать монахиней? В голове послышался голос сестры Сесиль, похожий на змеиное шипение:

– Мы говорим тебе «до свидания», а не «прощай». Сомневаюсь, что отец долго вытерпит твое присутствие.

Вероника уныло побрела в свою комнату. К ней вернулось знакомое чувство страха, будто никуда и не уходило. Из бюро она достала овальную коробочку, подаренную отцом на двенадцатилетие. Коробочка была сделана из трехцветного золота и покрыта розовой эмалью. На крышке замерла фигурка девушки с распростертыми руками, словно она сохраняла равновесие. Ноги девушки покоились на золотой дуге.

Чтобы оживить фигурку, Вероника достала из бокового ящичка ключ, вставила в отверстие на крышке и несколько раз повернула. Послышалась музыка, напоминающая птичьи трели, а девушка запрыгала, то отрываясь от золотой дуги, то снова опускаясь на нее.

– Так это же канатная плясунья, – сказала Клементина, когда Вероника показала ей отцовский подарок. – Они всегда выступают на ярмарках.

Вероника никогда не бывала на ярмарках и не видела канатных плясунь, но легко представила их, поскольку золотая девушка казалась совсем настоящей. Фигурка подпрыгивала, сгибая колени и отрываясь ножками от дуги. Это было настоящим волшебством.

– Мы с тобой обязательно сходим на ярмарку, – пообещала Веронике Клементина. – Только бы сбежать отсюда.

Клементина постоянно говорила о побеге. Вот только возвращаться ей было некуда. Если Вероника потеряла мать, то Клементина лишилась обоих родителей.

– Мы найдем способ, – шептала она Веронике, когда в дортуаре гасили свечи. – Я не останусь здесь навсегда.

В этом подруга, конечно же, была права.

Постепенно движения фигурки замедлились, и она перестала танцевать. Музыка начала фальшивить, затем смолкла. Вероника провела пальцем по телу золотой девушки:

– Ты согласна, что мне нужно всего лишь доказать отцу свою пригодность?

Какие бы испытания ни приготовил отец, она их пройдет. Какие бы задания ни давал, она обязана их выполнить. Ей ни в коем случае нельзя возвращаться в монастырь, ибо это было бы равносильно смерти.

Глава 5

Жанна

Жанне казалось, будто она падает, но ей приходилось сидеть с неподвижностью статуи. За окнами расстились безупречные лужайки Партер-дю-Нора, где мерзли каменные купидоны и русалки и где придворные в парчовых пальто прогуливались по дорожкам, окаймленным подстриженными деревьями. Издали они выглядели выводком снующих металлических жуков. И именно сейчас она могла бы раздавить их каблуком своих остроносых туфель – этих глупых мужчин и женщин, напшигованных претензиями и амбициями. Под их тонкими кружевами и фальшивыми волосами скрывались завшивленные лысины и пятнистая кожа. Они привыкли пресмыкаться и льстить, произносить цветастые речи без единого слова правды. Но сейчас ей было не до них. Она устала. По нарумяненному лицу Жанны катился пот, и хотя утром она снова вымылась, сквозь аромат жасминового масла прорывался запах болезни, к которому примешивался медный запах крови.

– По-моему, достаточно, – сказала она.

– Еще несколько капель, маркиза. Нужно уменьшить кислотность.

Доктор Кесне стоял рядом, держа фарфоровую чашу, куда стекала кровь из надреза на руке Жанны. В эти дни он ограничивался незначительными кровопусканиями, и все равно она чувствовала себя выпотрошенной. Ее силы уменьшались.

– Вот и все.

Врач наложил муслиновую повязку на рану, поставил чашу на стол и убрал ланцет в свой кожаный саквояж.

– Теперь вам нужно хорошенько отдохнуть.

Жанна молча посмотрела на него. Оба знали: какой отдых может быть в Версале – этой золоченой карусели, полной нескончаемых занятий и обязанностей? То приготовления к ужинам, то устройство балетов, надзор за ходом строительства, написание писем, ублажение сановников. Жанне постоянно приходилось любезничать с королевой, дофином и его женой, с другими особами королевской крови и еще с сотней тех, кто ее ненавидел. Здесь человека оценивали исключительно по нарядам, родословной, богатству и манерам. Что бы она ни делала, ей никогда не позволят забыть о ее происхождении, а она была не кто иная, как дочь бездельного жулика.

– Маркиза, я говорю вполне серьезно. Если вы желаете сохранить себя, свою молодость и здоровье, то хотя бы час в день проводите в полном покое. Никакого чтения и письма, никаких замыслов, никаких свиданий с королем и отклика на его желания.

– Франсуа, моя молодость прошла, и мы оба это знаем. Отдых и упражнения меня не вылечат. Но в этом якобы наступившем новом мире науки и чудес наверняка существует какое-то лекарство.

– Маркиза, я бы очень желал знать о таком лекарстве. Я продолжаю свои изыскания, однако пока что...

– Да-да. Понимаю, Франсуа. А сейчас оставьте меня для целительного, как вы его называете, отдыха.

Когда врач ушел, она не встала, оставшись сидеть у окна и размышляя. Жанна принимала участие в составлении энциклопедии, наполненной знаниями о мире. Ученые разбирали вселенную на составные части и исследовали кусок за куском. Где-то наверняка должно быть решение. Оставалось лишь его найти. Миетта, ручная обезьянка Жанны, тоже сидела тихо, жуя засахаренную грушу. Единственными звуками, долетавшими в комнату, было серебристое

журчание фонтана и монотонный гул голосов придворных «жуков». Закрыв глаза, Жанна вновь вернулась в детство, переместившись в дом матери. Ей слышались звон бокалов, отдаленный смех и прочие звуки веселья. Тогда будущее казалось ей бутоном, который обязательно превратится в прекрасный цветок. Людовик был всего лишь обаятельным принцем, почти мифической фигурой, а она – Жанной Пуассон, самой красивой девочкой на многие лье вокруг.

– Карты ясно говорят о ее судьбе, – сказала им тогда предсказательница. – Ваша маленькая доченька станет королевской *maîtresse en titre*. Весь мир будет лежать у ее ног.

Но долго ли продлится счастье? Об этом предсказательница умолчала и даже не намекнула на многочисленные силы, которые попытаются согнать Жанну с королевского насеста и толкнуть в парижскую грязь. Ни слова о суетливых придворных, которые каждый день будут бросать ей новые обвинения мрачнее прежних. Умолчала гадалка и о том, что тело подведет Жанну, когда ей не исполнится и тридцати.

Взгляд Жанны бродил по очертаниям Трианона, окруженного лесами Марли. В коридоре послышались шаги. Она сразу же их узнала. Идущий был в туфлях на каблуке. По полу шелестели полы его тяжелого плаща. Ей показалось, будто грудь стянули проволокой. Изобразив улыбку, Жанна повернулась навстречу вошедшему, произнеся:

– *Mon coeur*⁷.

– Никогда не догадаешься, чем это вызвано.

От подъема по лестнице Людовик тяжело дышал. Лицо было влажным от пота. Он снял плащ, бросил на пол, подошел к столу и налил себе сладкого вина, которое Жанна всегда держала для него.

– Что вызвано, мой дражайший?

– Тик у Турье.

Турье, королевский министр иностранных дел, выделялся вытянутым черепом и странным подергиванием века. Он умер пару дней назад, его нашли лежащим на диване в дворцовом саду.

Людовик тяжело опустился на кушетку, вытер лицо и глотнул вина.

– Причиной оказалась его печень. Печень Турье была изъедена болезнью.

Жанна сглотнула.

– Вы ходили смотреть на его вскрытие?

– Ла Пейрони сам производил. Он считает, что Турье много месяцев страдал от печеночных болей. Я видел его печень. Черная, словно кусок гнилого мяса.

– А как вы узнали, что причиной тика была именно печень?

Людовик махнул левой рукой:

– Это сложный вопрос. Подробно объяснить не могу, но Ла Пейрони целиком в этом убежден. Разве не удивительно, что внутренности управляют нашим поведением и внешним видом?

– И в самом деле, удивительно.

Пока он говорил, Жанна думала о том, как под позолоченной кожей Версаля скрывался бубон, разрастаясь и наливаясь гноем; как под придворной учтивостью и строгим этикетом таилась неутрахающая злоба. Да и с ней то же самое: гниющая плоть, прикрытая безупречно нарумяненной внешностью. Невзирая на густой слой пудры, шелк платья щекотал ей подмышки.

– А не кажется ли вам, Людовик, что стоит уделить некоторое время и другим вашим интересам? – осторожно спросила она. – Ведь вы уже изучали анатомию, и теперь... это. Скажем, часовое дело. Или механика. Когда-то они вас интересовали.

– Жанна, они меня и сейчас интересуют. Разве ты не видишь, что все эти знания взаимосвязаны? Движение человеческого тела и движение машин?

⁷ Душа моя (*фр.*).

– Конечно. Вы правы.

Она видела совсем другое: его одержимость наукой и медициной в попытке быть современным и затмить собой «короля-солнце». Пусть Людовик XIV создал Версаль и двор, пусть блистательно правил семьдесят два года, вызывая страх, любовь и преданность, Людовик XV, словно капризный ребенок, утверждал, что отец был плохо образован и не интересовался наукой.

– Этому как раз и учит меня Лефевр, – продолжил король. – Он говорит, что однажды построит движущуюся машину, способную кровоточить. Да и твой доктор Кесне разработал анатомический способ проверки успешности кровопускания. Мы всего лишь на прошлой неделе это обсуждали.

– В самом деле? – Жанна дотронулась до руки, из которой производилось кровопускание. Она ясно дала понять Лефевру, что его уроки должны быть направлены на жизнь, а не на смерть. Кажется, он понял. – Велеть дю Оссе подать вам угощение? Желаете свежих груш из оранжереи? Или тарталеток с лимоном?

Людовик покачал головой:

– Нет. Я заглянул на несколько минут. Меня ожидает разговор с Шуазелем о войне с проклятыми бродягами и о спорах с еще более проклятым духовенством. Все это настолько утомительно. А теперь иди сюда. – Он протянул к ней руку. – Я пришел сюда за другими тарталетками.

Жанна встала и перешла на кушетку, сев рядом с королем. Она пыталась вспомнить времена, когда близость с Людовиком доставляла удовольствие, когда она ждала его с радостным предвкушением, а не со страхом. Жанна постаралась не вздрогнуть, видя, как король задрал ей подол и потянулся к ее бедрам. Его голова уткнулась ей в шею. Кажется, он не замечал болезни, укоренившейся в ней. Однако Людовик почувствовал ее неохоту и, раздвигая ей ноги, сказал с оттенком раздражения:

– С некоторых пор ты стала холодной, моя маленькая poisson⁸. Похоже, ты забыла, что я остаюсь твоим королем.

После ухода короля, когда Жанна подмылась в биде, к ней пришла ее камеристка мадам дю Оссе, принесла чистые простыни и поссет в серебряной чашке.

– Это вас подкрепит, – сказала она, ставя чашку на стол.

– Благодарю, Оссе. Вы у меня просто жемчужинка.

Фальшивая, слепленная из твердого песка. Но в Версале твердость была очень необходимым качеством⁹.

Жанна сидела, попивая вино с пряностями, пока камеристка меняла простыни, морща нос от запаха недавнего совокупления, смешавшегося с ароматом гардений в вазе.

– Я желаю поговорить с Ла Пейрони. Когда закончите стелить постель, отнесите ему записку.

– Да, маркиза. Простите, совсем забыла. Вам пришло письмо. Я оставила его у вас на письменном столе.

Жанна побрызгала розовой водой на грудь и руки, после чего прошла к письменному столу, достав бумагу и перья. Хирург не смел приглашать Людовика на вскрытие. Ла Пейрони прекрасно знал о болезненном отношении короля к смерти. Людовик в этом не виноват. Вначале он потерял родителей, затем брата и двух любовниц, которые были у него до нее. Все это лишь приковывало королевское внимание к мертвецам и не разгоняло его приступов меланхолии. Заниматься ими всегда приходилось Жанне.

⁸ Рыба (*фр.*).

⁹ В оригинале игра слов: *grit* означает как «твердый песок», так и твердость характера.

Но прежде чем писать хирургу, она решила прочесть письмо, оставленное Оссе на золотом подносе. Конверт был из дорогой бумаги. Наверное, приглашение или очередная просьба составить протекцию. Жанна вскрыла конверт, и у нее тут же перехватило дыхание. Как они сумели пронести это в ее покои?

Хоть и привыкли мы в противоречьях жить, Одно бесспорно признаётся всеми: Что рыбка золотая продолжает гнить И что ее проходит время.

Подавляя страх, Жанна позвонила в золотой колокольчик, вызывая камеристку.

– Оссе, кто это принес? Как этот конверт попал ко мне в покои?

– Лакей принес. Тот, что приносит все ваши письма. Я не думала...

– Разумеется, вы не думали. У меня к вам будет второе поручение. Отнесите мое письмо в полицейское управление генерал-лейтенанту Берье. – Жанна достала еще один чистый лист. – Оссе, вы меня слушаете?

– Да, мадам.

– Убедительно прошу в этот раз мое письмо не читать.

Глава 6

Мадлен

Девятое февраля. Так утверждали напольные часы в холле, с которых Мадлен сейчас вытирала пыль. На циферблате, под серебряным полумесяцем и звездами, появилась девятка. Вот уже шесть дней Мадлен находилась в этом доме, но до сих пор не нашла никаких доказательств проклятых «неестественных опытов», о которых ей прожужжал уши Камиль. Может, он направил ее по ложному следу и поднял напрасный шум? Она несколько раз тайком заходила в мастерскую Рейнхарта и другие помещения, читала его письма и подслушивала под дверью, ненавязчиво расспрашивала слуг, однако ничего не узнала об опытах и характере хозяйина. А интуиция подсказывала ей: что-то здесь не так и с Рейнхартом, и с его домом. Мадлен ощущала какую-то болезненность и скрытую странность, таящуюся под серебром и шелками.

Она перешла к следующим часам, чтобы вытереть и их.

– Следи, чтобы пыль не попала внутрь, иначе часы остановятся. Не ленись ежедневно очищать футляры от пыли, – наставляла ее Агата.

Мадлен потеряла глаза, покрасневшие от пыли и усталости. Ее отправляли не только за кроликом. Был еще целый ряд странных поручений. И ведь никто не задумывался, что у нее и так полно хлопот по дому. Ей было не выкроить времени, чтобы сбежать домой, навестить Эмиля и узнать, как живет племяннику без нее. Мадлен ежедневно поднималась в половине шестого утра, разносила дрова, выгребала из топок золу и натирала графитом поверхность плиты, а потом, едва успев отскрести руки, помогала Эдме готовить завтрак, после чего шла помогать Веронике одеваться. После этого она занималась вытиранием пыли, стиркой и выполнением очередных поручений доктора Рейнхарта. Станный человек. В этом Мадлен уже не сомневалась. Быть может, очень умный, но чудной. Целыми днями он едва замечал ее присутствие, хотя порой она ловила на себе пристальный хозяйский взгляд. Рейнхарт смотрел на нее, точнее, на разные части ее тела: плечи, талию, руки, – словно снимал мерки для новой одежды или, чего доброго, примерял на ее шею петлю палача. Но точно так же он смотрел и на свою дочь. Веронику он разглядывал так, будто она была одним из его часовых механизмов и он хотел убедиться, что все колесики и пружинки работают должным образом.

При других обстоятельствах, будь ее характер иным, Мадлен, возможно, и посочувствовала бы Веронике, пожалела бы девчонку, у которой нет подруг и которую ожидают не лучшие времена, если полиция решит выгнать Рейнхарта из страны. Однако всякий раз, когда она прислуживала хозяйской дочке: завязывала кушаки, застегивала пуговицы, завивала волосы, вспоминая локоны Сюзетты, – она думала о сестре и том, что выпадает на долю Коралины, пока Вероника учится, читает и гуляет в парке. Видя по утрам хозяйскую дочь, нежашуюсь в уютной постели, Мадлен вспоминала, что пришлось выдержать ей самой. Такие мысли она поспешно гнала. И каждый день, сознавая неумолимость времени, еще сильнее укреплялась в решимости навсегда покинуть материнский дом вместе с Эмилем и построить новую жизнь вдали от улицы Тевено. У картежников это называлось *d'affranchir*: пожертвовав одной картой, сохранить другую. Временами все это казалось ей постыдным, но ей ли не знать, что жизнь очень далека от справедливости?

Мадлен провела тряпкой по корпусу часов и вдруг оторопела. Волоски на руках встали дыбом. Обернувшись, она увидела в холле Рейнхарта. Он пристально смотрел на нее, стоя неподвижно и молчаливо, как статуя. Давно ли хозяин наблюдает за ней?

– Ты должна быть очень внимательной, – медленно произнес Рейнхарт. – Относиться к часам нужно деликатно. Понимаешь? Обращайся с ними как с живыми существами. Если нарушишь их равновесие, они остановятся. И что мы тогда будем делать?

Несколько секунд Мадлен могла только смотреть в его черные немигающие глаза, потом сказала:

– Конечно, месье. Я буду более внимательной.

– Да, – кивнул Рейнхарт. – Умница. Для меня важно, чтобы я мог тебе доверять.

Тик-так, шепот, тик-так. Мадлен слушала эти звуки, лежа поздно вечером в постели и разглядывая завитки свечного дыма на фоне стены. Несмотря на усталость, ей не удавалось быстро засыпать в этом доме, наполненном неумолчным тиканьем и какими-то тайными делами, творящимися в богато убранных, но сумрачных комнатах. И даже когда она засыпала, ее сны были полны часов, механизмов, цифр и неумолимого хода времени. Мадлен уже погружалась в сон, как вдруг услышала звуки, долетавшие снаружи. Она открыла глаза и стала вслушиваться. Скрип упряжи, лошадиное фырканье. Затем раздалось мужские голоса, негромкие, но отчетливые, ибо ее комната выходила на улицу. Девушка подошла к окну, отодвинула занавеску и увидела карету темно-красного цвета. Лошадь перебирала ногами, и пар от дыхания густо поднимался в воздух.

Двое выносили из кареты большой черный ящик. Третий, с фонарем в руках, указывал им путь. Лица его Мадлен не видела, только макушку головы, но характерная манера двигаться указывала, что это доктор Рейнхарт. Ящик имел длину гроба. Наконец-то она увидела что-то стоящее.

Мадлен выбралась из постели и, дрожа от холода, подошла к двери. Может, рискнуть спуститься ниже или это безумие? Из соседней комнаты доносился ровный храп Эдме. Если повариха или доктор Рейнхарт застигнут ее врасплох, вся затея с треском провалится. С другой стороны, если ей будет нечего сообщить полиции, она не получит ни су, не говоря уже о крушении ее замыслов. Такая перспектива казалась Мадлен еще хуже.

Разговор продолжался, однако слов было не разобрать. Судя по интонации голосов, вопросы и ответы. Мадлен открыла дверь, босиком пробежала по темному коридору и по задней лестнице спустилась вниз. Там было темно. Мадлен ориентировалась по блеску начищенных перил и слабому свету в холле. Она приблизилась к мастерской и теперь слышала каждое слово.

– Я просил совсем не это, – раздался голос Рейнхarta. – Я же самым подробным образом рассказал, что мне нужно. – Несколько слов, произнесенных скороговоркой, она не разобрала. Потом: – Слишком старый.

– Вы чересчур привередливы, месье. Мы имеем дело с тем, что удастся достать.

У Мадлен свело живот. Разговор шел о телах, но не о телах восковых женщин в ящиках. Должно быть, ночные гости Рейнхarta – торговцы трупами. Живя в доме маман, она знала эту публику. Они собирали по больницам и тюрьмам тела одиноких покойников и продавали врачам и анатомам. Если же не представлялось возможности добыть труп законным путем, то не брезговали выкапыванием мертвецов с кладбищ. Мадлен могла побиться об заклад: эти двое как раз и торговали кладбищенскими трупами, иначе не приехали бы сюда под покровом темноты. Их деяния считались преступлением. И как понимать слова Рейнхarta «самым подробным образом»? Мадлен они очень не понравились. Наверное, они касались его отвратительных опытов. Может, ее догадки верны?

– Это важно для моей работы, – говорил Рейнхарт. – Поняли? Прошу не появляться здесь, пока не найдете именно то, что я просил.

В ответ послышалось бормотание, затем звук шагов, становящихся все отчетливее. Мадлен поспешила к лестнице и притаилась в темноте, вжавшись в стену. Биение сердца отдавалось у нее в затылке.

Дверь открылась. На пол холла лег прямоугольник света. Замелькали длинные тени. Из мастерской вышли двое: один был толстым коротышкой, второй – ростом повыше, с сутулыми плечами. Его тень чертила тонкую кривую по стене. Затем вышел Рейнхарт все с тем же фонарем:

– Уезжайте без лишнего шума.

Мадлен торопливо поднялась к себе. Вновь отодвинув занавеску, она увидела, как кучер разворачивает лошадь. Карета медленно покатилась. Лошадиные копыта глухо стучали по камням. Мадлен зажгла свечу, вынула из сундучка писчие принадлежности и пододвинула стул к столу. Разгладив бумажный лист, она окунула кончик пера в чернила и начала писать:

Месье, сообщаю Вам обо всем, что сумела узнать за первую неделю пребывания в доме часовщика.

Писала она быстро, рассказывая Камиллю о подслушанных разговорах и прочитанных письмах, а также о недавнем ночном визите людей с ящиком. После этого ее рука замерла. О чем еще написать? Мадлен не знала, почему эти двое привезли труп ночью и что доктору не понравилось в привезенном теле. *Слишком старый*. По возрасту или слишком разложившийся? Эта мысль заставила Мадлен поморщиться. Нужно и дальше не терять бдительности, а пока пусть Камиль читает то, что есть.

Закончив письмо, Мадлен подула на чернила, посыпала написанное песком, потом аккуратно стряхнула песок, сложила лист и запечатала письмо свечным воском. Воск она придала печатью с изображением лисы. Эту печать вручил ей Камиль.

– Обычно мы зовем осведомителей «мухами». Они, как мухи, жмутся к стенам, блестят глазками и слушают. Но при твоих рыжих волосах, светлых глазах и бесшумных шагах ты больше похожа на лису. Будешь моей лисичкой.

* * *

На следующий день Рейнхарт объявил, что его кролик почти готов.

– Завтра игрушку отправят супруге маршала де Мирпуа, – сообщила Эдме, меся тесто. – Аккурат к версальскому балу.

– Кролик... к балу, – рассеянно произнесла Мадлен. – Мне это в диковинку.

Она по-прежнему думала о ночных визитерах и карете, зловеще поблескивавшей в свете уличных фонарей.

– Кролик станет частью костюма. – Эдме закатала рукава и посыпала стол мукой. – На ихних балах чего только не творят. Вырядятся в платья, такие, что стыдоба, прости Господи! Бедняжки-швеи неделями портили глаза, чтобы это сшить. Кто древним богом оденется, кто зверем каким. А потом лопают деликатесы, о каких ты и не мечтала: меренги вышиною до небес и мороженое в виде лебедей.

Эдме сердито покачала головой. Мадлен понимала: повариха, как и она, только фантазировала о придворной жизни, о том, как придворные в дорогих, расшитых драгоценностями костюмах танцуют среди причудливо подстриженных деревьев и кустов, а потом обедаются сладостями, запивая вином.

– Эдме, а ты сама хоть раз бывала во дворце?

– С чего бы мне? Нет у меня времени на эту чепуху.

– Моя мать была, – сказала Мадлен. – И сестра тоже. В прошлом году. Надели самые лучшие платья, расфуфырились. Дальше галереи для публики их не пустили. Там и стояли вместе с остальными зеваками и смотрели, как король торжественно ест яйца всмятку.

– Такого ты никогда не увидишь, – потом рассказывала Коралина, когда обе вернулись растрепанные, и от обеих пахло спиртным. – У куртизанок лица раскрашены, как у куколок. Подолы платьев шириной с дверь. Их не отличишь от придворных дам. И наряды, и манеры за столом одинаковые. А ходят так, словно парят над землей. Отчасти так оно и есть.

Мадлен во дворец, естественно, не взяли. Маман об этом даже не заикнулась. Ее оставили драить полы и стеречь материнскую собственность. Если хочешь показать себя в Версале с лучшей стороны, незачем брать туда дочку, у которой половина лица изуродована.

Эдме взяла скалку и, глядя на Мадлен, сказала:

– И правильно сделала, что не поехала туда. Говорят, там воняет сильнее, чем от Сены летом, а все придворные заражены сифилисом.

Когда Мадлен поднялась наверх, чтобы почистить серебро, то увидела Веронику стоящей перед кроличьим домиком. Домик опустел. Грубо сделанная дверца была распахнута настежь. У Мадлен сжалось сердце.

– Мадемуазель Вероника, что случилось?

– Ему потребовалась кроличья шкура. Так он и сказал.

Мадлен стало трудно дышать.

– Ваш отец?

– Да, – ответила Вероника, продолжая глядеть на пустую клетку. – Шкура сделает автомат более похожим на живого кролика.

Мадлен встала рядом с девушкой, подыскивая слова. Она с самого начала знала: кролик долго не проживет. Жозеф рассказывал ей, что Рейнхарт не пощадил ни гусыню, несущую золотые яйца, ни другую живность. Каждому он сохранял жизнь до тех пор, пока зверек или птица требовались ему в качестве модели (или «образчика», как он говорил), после чего переходил к изготовлению следующей игрушки. И все равно содрать шкуру с кролика, успешного стать любимым питомцем его дочери, было жестоко. Разве он не замечал, что Вероника брала кролика на прогулку, гладила и ласкала? Или, наоборот, все видел, но решил преподать девушке своеобразный урок?

– Я только начала к нему привыкать, – сказала Вероника.

– Да, мадемуазель. – Бледное лицо Вероники на мгновение напомнило ей Сюжетту, и Мадлен почувствовала неуместную жалость к хозяйской дочери. – Хотите, я куплю вам другого кролика? Сегодня и схожу в тот же магазин.

– Спасибо за доброту, Мадлен, но не надо делать глупостей. Ну зачем мне кролик?

«Он тебе еще как нужен, – подумала Мадлен. – Больше тебе некого любить». Она тут же отругала себя за мягкотелость. Так она быстро окажется в тупике. Если жизнь ее чему и научила, так это умению держать себя на замке и не поддаваться чувствам. Пора и Веронике учиться тому же.

Ранним вечером, накрывая на стол к обеду слуг, Мадлен продолжала думать о Рейнхарте. Она представляла блестящий скальпель и быстрые руки, снимающие с кролика шкуру.

– За месяц это второй пропавший, – услышала она слова Эдме. – Вначале подмастерье булочника на площади Дофина. Теперь помощник торговца свечами на улице Каландр. Смуглый мальчишка. Всего тринадцать лет.

– Куда они подевались? – спросила Мадлен, поднимая голову.

– В том-то и завыка, что никто толком не знает. Торговец считает, что парень просто сбежал. Но говорят, это проделки флотских. Вылавливают молодняк и посылают на острова. Такое уже бывало.

Мадлен понимала, о чем речь. Вот уже тридцать лет, как молодежь отправляли во французские колонии.

– Но ведь раньше туда посылали только узников. Предлагали: чем томиться в тюрьмах, езжайте работать на островах.

– Узников посылали, но не только их. Хватали и молодняк из бедноты и всех грузили, будто охапки дров. Жизнь тех, у кого пусты карманы, гроша ломаного не стоит... Давай угощайся.

Эдме выставила на стол блюдо с пирогом, от которого соблазнительно пахло мясом и травами.

Мадлен подумала об Эмиле, который сейчас наверняка играл на улице. Вспомнилось, как она ходила ему за лекарством.

– В аптеке я слышала разговор двух женщин. Они говорили о девушке, которая ушла из дому и не вернулась.

– Когда это было?

– Еще в январе. Женщины считали, что она убежала со странствующей ярмаркой, – сказала Мадлен, отрезая себе кусок пирога.

– А кто знает, сколько бездомной детворы пропадает, – вздохнула Эдме. – Уж их-то точно никто не хватится.

– Верно.

Мадлен сразу вспомнила девочку с улицы Тевено и собственное потрясение при виде опустевшего подъезда.

Только откусив пирога, Мадлен сообразила, откуда взялась начинка. Она со стуком положила вилку, бормоча, что у нее скрутило живот. Стараясь не смотреть на Эдме, она налила себе супа. Смешно. За год она слезинки не уронила, а теперь отказывается есть какого-то жалкого кролика.

Вскоре Мадлен заметила, что Жозеф наблюдает за ней, глядя сквозь бокал вина. Вдруг он угадал ее мысли и посчитал дурочкой? В жизни слуг не было места чувствам. По правде говоря, там не было места почти ни для чего. Потом она увидела, что и его кусок пирога остался нетронутым. Их глаза встретились.

Когда Эдме уселась за стол, Мадлен спросила:

– А что случилось с первым мальчишкой – подмастерьем пекаря? Он тоже сбежал?

– Так говорил пекарь, когда хватился мальчика. Но тогда он не знал о других пропавших. Мог бы поискать получше.

У Мадлен похолодело под ложечкой.

– Мне нужно проведать мать. Я недолго. Хочу убедиться, что дома следят за племянником.

– Давай иди, – разрешила Эдме. – Но не прохлаждайся. За тобой еще стирка.

Эмилия она увидела на ступенях крыльца. За это время он похудел. Лицо измученное, сероватые круги под глазами. Он не вскочил и не бросился ей навстречу.

– Эмиль, ты никак опять болел?

– Обыкновенная простуда, – пожал плечами мальчик.

Это при его-то легких. Простуда всегда изматывала его, выжимая все соки.

Мадлен присела рядом:

– Напрасно маман ничего мне не сообщила. Могла бы послать записку в дом часовщика.

Но Мадлен и сама могла бы прийти пораньше. Она почувствовала знакомое угрызение совести. Девушка полезла в карман и достала завернутый в носовой платок кусок яблочного торта, который стащила в кухне. Эдме делала торты из яблочного мармелада, добавляя для вкуса корицу.

– Ешь.

Даже лакомство вызвало у Эмиля лишь слабую улыбку.

– Ну и штучка. В доме часовщика это едят вместо хлеба? Тогда понятно, почему ты позабыла про меня.

– Неправда, Эмиль. Я о тебе помню всегда. Просто у меня дел полным-полно. Присесть некогда. Я отпросилась, и то ненадолго.

Он кивнул, но серые мальчишечьи глаза по-прежнему смотрели на нее с упреком, и угрызения совести превратились в спазм душевной боли.

– Скоро я приду снова и буду приходить раз в два-три дня. Обещаю. Хорошо?

Эмиль не ответил. Взяв у нее лакомство, он начал медленно жевать.

– Что нового дома? – спросила Мадлен.

– Почти ничего, – сказал с набитым ртом племянник. – Новая девушка появилась. Клодиной звать. Поселилась в комнате Одиль.

– Так... – выдохнула Мадлен.

Надо поскорее вывозить ребенка отсюда. Уже которая девушка приходит сюда здоровой и цветущей, а потом ее выбрасывают потасканной и больной. Хватит Эмилю нюхать зловоние ступенек и такое же зловоние, исходящее от клиентов борделя. Пятисот ливров хватит, чтобы открыть собственный магазин и торговать живностью. Никакого роскошества, но их с Эмилем жизнь станет безопаснее. Там она сама будет устанавливать цены и правила, и ей не придется торговать своим телом.

– Эмиль, я должна попросить тебя кое о чем.

– Чего еще?

Мадлен подбирала слова, не зная, как лучше ему объяснить.

– За месяц пропало двое ребят немногим старше тебя. Куда – никто не знает. – Эмиль недоуменно посмотрел на нее, и Мадлен торопливо продолжила: – Наверное, я зря тревожусь. Тебя это никак не касается. И все-таки прошу тебя: будь осторожнее. Не уходи слишком далеко от дома, особенно один. Гуляй вместе с другими детьми или с кем-то из девушек. А если незнакомые люди предложат тебе пойти с ними куда-то, сразу отказывайся, беги к бабушке или Коралине и все им расскажи. Договорились?

– А зачем незнакомым людям меня куда-то звать?

– Говорю тебе, может, ничего и не случится. Но ты никуда не ходи с чужими. Это нельзя... Ты понял?

– Ну, если ты просишь... – пожал плечами Эмиль. – А почему мне нельзя жить в доме, где ты служишь?

Мадлен вздохнула, обняв племянника за талию:

– Любовь моя, я бы с радостью тебя взяла, но часовщик не позволит.

– Но я же полезная маленькая машинка. Ты сама говорила!

– Да. И маман нужна твоя помощь. – (Эмиль высвободился из ее объятий и отодвинулся.) – Эмиль, потерпи немного. Осталось всего три недели, а потом...

Она осеклась. Нельзя рассказывать о своих надеждах. Мальчишка может проболтаться, а если маман заподозрит, что Мадлен затевает побег, ее замыслы рухнут. Девушка знала, чем кончались побеги из борделя. Бывало, девушки решались взбунтоваться против маман и сбежали, в чем были. Но договоренности маман с полицией были двусторонними, потому она так и лебезила перед полицейскими. Беглянкам редко удавалось скрыться. Лапа закона хватала их

и возвращала в бордель. Мадлен придется как-то договариваться с маман или исчезать так, чтобы не нашли.

– Что потом, Маду? – Эмиль повернулся и вопросительно посмотрел на нее.

– Потом я очень надеюсь, что наша с тобой жизнь станет лучше, *mon petit*. Считай, она у нас начнется сначала.

Мадлен не могла вернуться к маман. Вдали от борделя, с его обитательницами и порядками, она ясно увидела, какую жалкую жизнь влачила там. Возвращение в «Академию» ее доконает, и не столь важно, каким образом. Нет, она ни за что туда не вернется.

На обратном пути, когда Мадлен свернула в очередной переулок, ей вновь почудилось, что за ней следят. Более того, что-то ползло у нее по спине. Она обернулась и увидела тощего пса, у которого сквозь свалявшуюся шерсть просвечивали ребра. Поодаль старуха, приподняв подол, мочилась в сточную канаву. Наверное, причина была в разговорах о похитителе детей, вот она и разволновалась. Мадлен мерещились чудовища под кроватью. Совсем как в детстве.

– Нет никаких чудовищ, – заверял отец.

Но он лгал, а потом и сам исчез, оставив ее наедине с чудовищами.

У крыльца дома часовщика к ней подбежал тощий, чумазый уличный сорванец, сунул в руку клочок бумаги и умчался.

Мадлен развернула записку. Буквы прыгали, словно писавший торопился или был рассержен.

Этого недостаточно. Выясни, откуда их привозят. Узнай, что именно ему нужно. Смотри внимательнее, слушай усерднее. Пиши без промедления.

Читая, Мадлен ощущала холодное дыхание страха. *Откуда их привозят.* Камиль имел в виду трупы. «Изволь наизнанку выворачиваться, иначе никакого побега тебе не видать», – подумала она.

Глава 7

Вероника

– Думаю, тебе стоит начать с куклы.

Они стояли возле отцовского рабочего стола, на котором лежали книги, медные инструменты и обтянутый бархатом ящик. «Он по-прежнему считает меня маленькой девочкой, играющей в куклы», – подумала Вероника. Тогда почему отец отнял у нее чудесного кролика и снял с бедняги шкуру? Рейнхарт открыл ящик. Там лежали фарфоровые головы с пустыми лицами, ожидавшими, когда им нарисуют глаза, брови и губы. Вероника взяла одну из них. Внутри голова была полая.

– И что мне нужно сделать с куклой?

– Придумай что-нибудь сама. Оживи ее. Понимаешь?

– Да, отец. Вполне.

«Но чего ты на самом деле хочешь от меня? – недоумевала она. – Если Клод Лефевр был прав, зачем ты учишь меня всему этому?»

– Ты мне поможешь?

– Конечно. Но сначала ты должна сделать чертеж, используя образчики, которые я тебе показывал. Мы с Жозефом отправимся к мебельщику. Когда вернусь, проверю, насколько ты преуспела.

Отец ушел. Вероника сидела в раздумье, разглядывая отцовские наброски и чертежи движущихся кукол. Она листала книгу «Руководство по изготовлению кукол». Затем, взяв большой лист бумаги, стала рисовать кукольное лицо. Первыми тщательно нарисовала глаза. До чего же здорово и радостно создавать свой первый автомат под наблюдением и при помощи самого искусного во Франции мастера! Вероника догадывалась: создание куклы – часть испытания, которое никак нельзя провалить. После случая с кроликом у нее закралось подозрение: а не являются ли все отцовские действия своеобразной проверкой и нет ли причины в каждом его поступке? В голове весьма некстати зазвучали слова сестры Сесиль: «Помни, Мадлен, Он подвергает нас испытаниям. Только так мы можем показать Ему свою силу». Ей вспомнилась статуя Христа в монастырской церкви и кровь, струящаяся из его глаз.

У входной двери звякнул колокольчик. Кто откроет? Мадлен? Или Эдме? Вероника поспешила в холл, где Мадлен уже открывала дверь. В переднюю вошла высокая женщина, одетая в серебристое и голубое. Ее одежда отражала свет, отчего она сама казалась светящейся. «Таких красивых женщин я еще не видела», – пронеслось в голове Вероники. Да, женщина была очень хороша, но не только за счет миловидного лица, бледного, с широкими глазами и искусно наложенными румянами. Свою лепту вносили длинная шея, грациозная фигура, манера держаться и, конечно же, одежда. «Какая у нее одежда!» – восхищенно подумала Вероника. Серо-голубой тончайший шелк с серебристым отливом, белая меховая накидка, как у сказочной королевы. Изысканная и хрупкая, словно фарфоровая кукла, но вполне живая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.